

ПРОЕКТ
ДОСТОЕВСКИ:
200 ГОДИНИ

ПРОЕКТ
ДОСТОЕВСКИ: 200 години

Скопје, 2021

Издавач

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ — Скопје
Филолошки факултет „Блаже Конески“

Уредник на издавачката дејност

д-р Анета Дучевска, декан на факултетот

Уредник на изданието

Андреј Јованчевски

Координатори на проектот

д-р Биљана Мирчевска-Бошева

д-р Наталија Лапаева Ристеска

Андреј Јованчевски

Предговор

Андреј Јованчевски

Поговор

д-р Наталија Лапаева Ристеска

Превод од руски јазик

Марија Петровска

Јован Ковачевски

Ана Тодорова

Ангела Спасовска

Јана Србиновска

Фросина Милковска

Наслови на изворниците

Достоевски, Фёдор Михайлович

Маленький герой (1849)

Столетняя (1876)

Мужик Марей (1876)

Мальчик у Христа на ёлке (1876)

Сон смешного человека (1877)

Соработници од Катедрата за славистика

м-р Екатерина Терзијоска

м-р Ирен Алчевска

Роза Тасевска

Лектура

д-р Милица Миркуловска

Графичко и техничко уредување

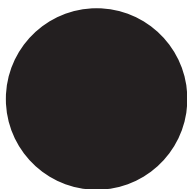
Ристо Алексовски

Книгата е објавена со финансиска поддршка од:

Тираж: 100

- 05 **ПРЕДГОВОР**
ДОСТОЕВСКИ: 200 ГОДИНИ
- 11 МАЛИОТ ХЕРОЈ
- 31 СТОГОДИШНА
- 47 СЕЛАНЕЦОТ МАРЕЈ
- 61 МОМЧЕ КАЈ ХРИСТОВАТА ЕЛКА
- 73 СОНОТ НА СМЕШНИОТ ЧОВЕК
- 115 **ПОГОВОР**
„РУСКИОТ СВЕТИЛНИК“: ДОСТОЕВСКИ

ПРЕДГОВОР

ДОСТОЕВСКИ: 200 ГОДИНИ

АНДРЕЈ ЈОВАНЧЕВСКИ

Андреј Јованчевски
ПРЕДГОВОР
ДОСТОЕВСКИ: 200 ГОДИНИ

Во 1821 година, на 11 ноември според Грегоријанскиот календар, во Москва се раѓа петербуршкиот Дикенс, новиот Гогољ, откритието на Ниче – Фјодор Михајлович Достоевски. Се раѓа како дворјанин, живее како идеалист, бунтовник и полемичар, минува многу години како одметник, робијаш и коцкар, се прославува како романсиер и мислител, умира – за многумина – како пророк. За неполни 60 години се потпишува под осум романи, дваесетина повести и раскази, неколку книжевни списанија и голем број статии, записи и полемички текстови. Пред да стане надеж за Некрасов и Белински, ги чита најважните страници од руската и западноевропската литература, особено се приврзува за Пушкин и за Хофман, го преведува Балзак, пишува во сенката на романтизмот и под светлината на реализмот. Се замешува во кружокот на Петрашевски, поради што ги минува можеби најдобрите десет години во Сибир, откако ќе ѝ погледне на смртта в очи. Назад од азиските длабочини, живее со епилепсија, во вечна мака со финансиите и роковите, со променлива среќа во салоните и публицистиката, во постојан немир и спор со западниците. Пишува. Пишува неуморно и со неверојатна ревност. Објавува без големи прекини – љубовта, семејството и приватниот живот речиси целосно ги потчинува на својата проза. Во повеќе наврати долго патува низ Европа – Берлин, Женева, Лондон, Париз, Баден-Баден – голем дел од времето минува во тамошните галерии и коцкарници, го интересира човекот во неговите највозвишени и најниски состојби, ги испитува границите на човековото трпение и напрегање. Никогаш не се запознава со Толстој. Умира во 1881 година. На неговото биро лежат двете омилен книги – Евангелието и Дон Кихот.

Достоевски е, несомнено, еден од најзначајните и најпознатите руски писатели и мислители – тешко е доволно сеопфатно да се оцени и опише неговата улога во формирањето на културниот и интелектуалниот, па и на политичко-социјалниот релјеф на руската држава низ минативе два века. Во колективната меморија на

рускиот народ, Достоевски се впишува како најскапоцено културно наследство, дури и како стожер на националниот идентитет. Сепак, тој е и повеќе од тоа – Достоевски е светски класик. Неговата меѓународна слава како литературен и филозофски авторитет е неприкосновена, што се потврдува со живиот интерес за неговата личност и со постојано новите читања, анализи и навраќања на неговите дела, како и на неговите вредносни позиции и судови, од страна на истакнати претставници на светската уметност и наука. Тоа што националните и јазичните граници не го оградуваат влијанието на неговите текстови низ светот се должи на брилијантната работа на неговите преведувачи. Можеби современиот светски читател не ги знае или памети имињата на Констанс Гарнет, Вилхелм Хенкел или Валборг Хедберг, но тоа не ја намалува нивната клучна улога во утврдувањето на статусот на Достоевски во светската култура. Токму овие луѓе, кои го преведувале Достоевски уште за време на неговиот живот, како и многутемина преведувачи, теоретичари, историчари и научници што подоцна макотрпно работеле над неговата проза, ја имаат големата историска заслуга што Достоевски го читаме како повеќе од руски автор, што го имаме како заедничка лектира на сите народи.

Во светлината на големиот јубилеј што се обележува годинава, двесте години од раѓањето на Ф.М. Достоевски, вниманието на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје го свртевме токму кон преведувањето на Достоевски. Освен што беа прегледувани и читани постојните преводи на Достоевски на македонски јазик, на предавањата и вежбите по руска книжевност, руски јазик и практика на преведувањето, вниманието беше нагласено свртено кон подробното читање на прозата на Достоевски заради потребите на преведувачката лабораторија под наслов „Достоевски: 200 години“. Станува збор за проект составен од двосеместрална наставна подготовка и воннаставна работа на младите слависти над сопствени преводи на кратката проза на Достоевски. Во текот на летниот и зимскиот семестар од 2021 година, студентските групи по русистика работеа на избор и темелно разбирање на распределните текстови, под менторство на д-р Наталија Ристеска Лапаева, навлегувајќи во контекстуалните, те-

матско-мотивските и стилистичките особености на текстовите; потоа, по самостојната работа на нивно преведување на македонски јазик, правеа проверка и доработка на своите преводи со поддршка лекторите по руски јазик од катедрата, а на крајот се среќаваа и се допишуваа со мене, соработувајќи во контрастивната анализа и во јазичната редакција на завршените преводи, со што ги развивавме преведувачките способности и баравме решенија за предизвиците во преведувачката работа. Резултатот на целогодишната работа е оваа мала книга – насловена со името на проектот поттикнат и координиран од д-р Биљана Мирчевска-Бошева, „Достоевски: 200 години“ – во која е содржан поголемиот дел од завршените студентски преводи на Достоевски.

Книгата опфаќа пет раскази на Достоевски: „Малиот херој“ (фрагмент), „Стогодишна“, „Селанецот Мареј“, „Момче кај Христовата елка“ и „Сонот на смешниот човек“. Преводите на студентите се придружени со изворните текстови на руски јазик, што овозможува контрастивно читање и го прави материјалот полезен за традициски анализи на идните студенти. Сегментот посветен на секој одделен расказ започнува со вовед составен од преведувачот, во кој се адресираат три основни теми: 1) положбата на конкретниот расказ во општиот опус на Достоевски; 2) основните текстуални – стилистички и тематско-содржини – одлики на расказот; 3) осврт кон процесот на преведување на расказот, со нагласок на пристапот и предизвиците при работата. На самиот крај е сместен поговорот на д-р Лапаева Ристеска, под насловот „Рускиот светилник: Фјодор Михајлович Достоевски“, во кој е направен збиен, но исклучително вреден преглед на најважните писатели, книжевни научници и преведувачи што носат заслуги за афирмацијата на книжевното дело на Достоевски, со засебни целини посветени на различните контексти, периоди и тенденции од оваа херменевтичко-преведувачка традиција – предреволюциската, советската, руско-емиграциската, западноевропската итн.

Ја предаваме оваа книга во рацете на читателите, со надеж дека на многумина ќе им донесе задоволство во читањето и полза во проучувањето на книжевниот превод. Таа е нашиот придонес во обележувањето на големиот јубилеј, 200 години од раѓањето

на Достоевски, еден од најважните датуми во рускиот и светскиот книжевен календар за оваа деценија.

МАЛИОТ ХЕРОЈ

ПРЕВОД: МАРИЈА ПЕТРОВСКА

ВОВЕД

Создавањето на расказот „Малиот херој“ (*Маленький герой*) Достоевски го започнал во периодот кога се наоѓал во Петропавловската тврдина, по апсењето во 1849 г. Расказот бил првпат издаден во осмиот број на книжевното списание „Белешки од татковината“, во август 1857 г., под еден од псевдонимите на писателот. Интересно е што работниот наслов на расказот бил „Детска приказна“ (*Детская сказка*) и токму така го замислувал авторот, како една светла приказна, посветена на децата, со која ќе си ја врати популарноста во петербуршките литературни кругови. Токму во периодот кога Достоевски се наоѓал во тврдината, успеал да ги напише своите најискрени и најсветли приказни.

Првото издание на расказот „Малиот херој“ имало малку проширена содржина и било замислено од авторот како еден спомен од неговите младешки денови што тој ѝ го раскажува на своја другарка од детството, Машенка. Овој дел подоцна е отстранет и расказот продолжува од името на главниот лик, младото момче, претставено како вистински херој или витез заштитник на тајната на една прекрасна млада дама.

Тематската содржина на расказот го следи развојот на детската душа и првите манифестации на љубовта – љубовта како самоодрекување и пожртвуваност. Во оваа приказна, Достоевски најмногу го интересирало дефинирањето на проблемот на оформувањето на личноста, формирањето на моралната позиција и буђењето на чувствата. Во расказот, тој ја прикажува внатрешна формација на главниот лик – херојот, кој првин станува набљудувач, а потоа и учесник во животната драма. Надворешниот вител на настани и воспоставувањето односи со луѓето околу себе му помага во формирањето на неговото внатрешно „јас“, а тоа, пак, му помага побрзо да созрее, од детуле да стане младо храбро момче што подоцна ќе изведе еден вистински херојски подвиг.

Да се преведува овој интересен расказ од Достоевски беше предизвик за мене, особено затоа што расказот изобилува со пре-

красен и детален опис на надворешниот изглед на женските ликови, што сметам дека е многу несвојствено за Достоевски, кој секогаш во своите литературни дела се задржува на описот на внатрешноста и на душата на ликовите. Тешкотија во процесот на преведувањето имав поради уникатноста на јазикот што го користи Достоевски и, секако, поради обемноста на речениците, како и честото воведување зборови во преносна смисла, што ме натера да ги употребам сите расположливи толковни речници. Но токму во тоа е убавината и уметноста во процесот на преведување, а најпријатно е кога ќе најдеме соодветен еквивалент за одреден збор и целиот текст ќе ја добие потребната смисла, а со тоа ќе го доближиме до љубителите на пишаниот збор.

МАЛИОТ ХЕРОЈ

(Од непознати записи)

– фрагмент –

Имав тогаш безмалку единаесет години. Во јули ме испратија на гости в село близу Москва, кај мојот роднина Т., кај кого во тоа време се собираа на гости по педесетина луѓе, а можеби и повеќе... не паметам, не ги броев. Беше шумно и весело. Се чинеше дека е тоа забава што започнала за никогаш да не заврши. Како нашиот домаќин да си имаше ветено што поскоро да го изарчи својот огромен капитал и неодамна му успеа да ја исполни оваа своја намисла, да изарчи сè, докрај, до последна пара. Секој миг пристигаа нови гости, Москва сепак беше близу, на повидок, така што оние што заминуваа само им отстапуваа место на други, а забавата си врвеше непречено. Се редеа веселби една по друга и на игрите не им се гледаше крајот. Од јавање коњи во партии по околицата, па преку прошетки низ боровата шума или крај реката, сè до пикници, ливадски ручеци и вечери на големата тераса од куќата, опкружена со три реда скапоцени цвеќиња, кои го преплавуваа свежиот ноќен воздух со миризби, па раскошно осветлување, од кое нашите дами, и без тоа речиси сите до една многу лични, изгледаа уште полични, со лицата воодушевени од дневните доживувања, со блескави очи, со прекрасен весел разговор што се слеваше со свонливиот смев; танци, музика, песна; а кога ќе се наоблачеше небото, се правеа живи слики, шаради, поговорки; се приредуваше домашен театар. Тогаш на сцена стапуваа дрдорковци, раскажувачи и красноречивци.

Неколку лица остро се истакнуваа во преден план. Секако, озборувањето и сплеткарењето си течеа непречено, оти без нив и светот не се движи, а и милиони луѓе би испоумреле од здодевност, како муви. Но јас имав само единаесет години и, занесен со нешто сосем друго, тогаш не ги ни забележував овие лица, па и ако забележував нешто, тоа сепак не беше сè. Отпосле ќе се присетев на уште по нешто. Само блескавата страна од севкупната слика можеа да ја уловат моите детски очи и тој сеопшт занес, блесок, шум, сето тоа дотогаш нечуено и невидено од мене толку ме воодушеви, што првите денови бев наполно збунет, а малечката глава ми се замелуши.

Ви зборувам за моите единаесет години, кога, секако, бев дете, не повеќе од детуле. Многу од овие прекрасни жени, галејќи ме, не помислуваа како ли ќе повлијае тоа на мојата возраст. Но – чудна работа – некакво чувство што не ми беше познато веќе имаше завладеано со мене; нешто веќе шумолеше во моето срце, нешто што дотогаш му беше непознато и таинствено, но од што на моменти се разгоруваше и биеше како исплашено, и од што често лицето ми го облеваше неочекувано руменило. Напати се срамеав, па дури ми беше и некако непријатно од моите разновидни детски привилегии. Другпат, пак, некакво чудење ќе ме обземаше и ќе фатев пат некаде каде што не можеа да ме видат, божем за да здивнам малку и да се присетам на нешто што ми се чинело дека дотогаш сум го помнел, па одеднаш, ете, сум го подзаборавил, нешто без што не би смеел никаде да се појавам и не би можел ни да постојам.

И, најпосле, ми се чинеше како да сум скрил нешто од сите, но никако и никому не кажував за тоа, оти, малечок каков што бев, ми беше многу срам, до солзи. Наскоро, среде виорот што ме опкружуваше, почувствував некаква самотност. Имаше и други деца, но сите беа или многу помлади или многу постари од мене, а впрочем, не ми беше ни дојдено до нив. Да, секако, ништо не ќе се случеше со мене ако не бев во таа исклучителна состојба. Во очите на сите тие прекрасни дами, уште си бев истото малечко, неодредено суштество што понекојпат љубеа да го галат и со кое можеа да си поигруваат како со мало кукле. Особено една од нив, занесна блондинка, со бујни, раскошни коси, какви што никогаш подоцна не видов и веројатно никогаш нема ни да видам, како да се имаше заколнато да не ме остави намира. Мене ме збркуваше, а неа ја развеселуваше кикотот што се разлеваше околу нас, кој таа постојано го побудуваше со своите нагли, палави испади кон мене, кои нејзе, очигледно, ѝ причинуваа огромно задоволство. Во некој женски пансион, меѓу другарките, веројатно би ѝ дале прекар палавка. Беше чудесно убаво, имаше нешто посебно во нејзината убавина што паѓаше в очи уште на прв поглед. И, секако, нималку не наликуваше на оние малечки срамежливи русокоси девојчиња, белички како снег и нежни како бели глувчиња или пасторски ќерки. Не беше многу висока и имаше малку полна става, но со нежни и префинети, прекрасно насликани црти на лицето. Нешто како молња светкаше на тоа лице,

а и целата таа беше како оган, распламтена, пргава, полетна. Од широко отворените очи небаре ѝ се сипеа искри што болскаа како дијаманти, и никогаш не би ги заменил таквите небесно сини, блескави очи за ниедни црни, па дури и да се поцрни од најцрниот андалузиски поглед, а и мојата блондинка навистина вредеше повеќе од познатата црномурна убавица што ја воспеал славниот и одличен поет, кој во тие прекрасни стихови дури се заколнал пред целата Кастиља дека е готов и коските да си ги искрши ако му дозволат само со врвот на прстите да ја допре наметката на својата убавица. На тоа уште ќе додадам дека *мојата* убавица беше највеселата од сите убавици на светот, најпалавата кикотливка, пргава како детенце, и покрај тоа што веќе пет години беше омажена. Смеата не ѝ слегуваше од усните, свежи како утринска роса, која штотуку, со подавањето на првите сончеви зраци, ја отворила својата алова миризлива пупка, од која сè уште не се исушиле крупните, студени росни капки.

Паметам оти на вториот ден од моето пристигнување беше организиран домашен театар. Гледалиштето беше, што се вели, натискано, немаше ниедно слободно место, а бидејќи јас си задоцнив, морав да уживам во претставата стоејќи. Но веселата актерска игра сè повеќе и повеќе ме влечеше напред, па, така, незабележливо се пробив до предните редови, застанав и се налаktiv на наслонот од столчето на кое седеше една дама. Тоа беше мојата блондинка, но тогаш сè уште се немавме запознаено. И, ете, некако случајно се загледав во нејзините прекрасно заоблени, заводливи рамена, полнички, бели како скипено млеко, иако ми беше сосем сеедно дали гледам во прекрасните женски рамена или во шапката со пламени ленти што ја скриваше седината на една достоинствена дама во првиот ред. До блондинката седеше постара мома, една од оние што, како што потоа почнав да забележувам, постојано се припојуваа што е можно поблизу до младите и убави жени, одбирајќи ги оние што не ги бркаат децата од себе. Но не беше тоа работата; ами оваа мома забележа како ја набљудувам, па се наведна кон својата сосетка и, кикотејќи се, ѝ шепна нешто на уво. А сосеткава однадеж се сврте и паметам како нејзините пламени очи во полумракот така молснаа кон мене, што стреперив од неочекуваната средба како да се опеков. Убавицата се насмевна.

– Ви се допаѓа играта? – ме праша, ѓаволесто и насмешливо гледајќи ме право в очи.

– Да – одговорив, сè уште гледајќи ја со некакво чудење, кое нејзе очигледно ѝ се допаѓаше.

– А зошто стоите? Ќе се изморите. Немате ли место?

– Така е, немам – одговорив јас, сега повеќе обременет со грижа одошто со блескавите очи на убавицата, ободрен и радосен што најпосле се најде добро срце со кое можам да ја споделам својата мака. – Побарав, ама сите места се зафатени – додадов, небаре жалейќи ѝ се за тоа што сите места беа зафатени.

– Дојди ваму – живо ми рече таа, брза во носењето одлуки како и во секоја налудничава идеја што ќе ѝ се мернеше во брливата глава. – Дојди ваму кај мене, седни в skut.

– В skut?.. – повторив изненадено.

Веќе споменав оти моите детски привилегии сериозно почнаа да ме навредуваат и посрамуваат. Оваа, дадена божем на смеа, далеку повеќе од останатите. Згора на сè, јас и без тоа секогаш си бев плашливо и срамежливо дете, а сега некако особено почнав да пројавувам несигурност пред жените и ужасно се збркав.

– Па, да, в skut! Зошто не сакаш да ми седнеш в skut? – настојуваше таа, почнувајќи да се смее сè посилено и посилено, а на крајот се раскиоти, којзнае зошто, можеби на својата досетка или, пак, се издадува што сосема се збркав. Но токму тоа и ѝ требаше.

Јас поруменев и како забркан разгледував наоколу, барајќи каде да избегам; но таа ме претекна, некако успеа да ми ја зграби раката токму за да не заминам и, повлекувајќи ја кон себе, наеднаш, сосем неочекувано, на мое големо изненадување, мошне силно ја притисна во своите палави, топли прстиња и зеде да ми ги стиска моите прсти, но толку болно, што се напрегав со сета сила да не извикам, правејќи пресмешни гримаси. Згора на тоа, бев во најстрашна чуденка, недоумица, дури ме обзеде и ужас узнавајќи дека има такви насмешливи и пакосни дами што зборуваат такви бесмислици со деца, па уште и така силно ги стискаат пред сите без никаква причина. Веројатно моето несреќно лице ги одразуваше сите мои недоумици затоа што палавката ми се кикотеше в очи како безумница, а притоа сè посилено и посилено ми ги стискаше и кршеше

сиротите прсти. Беше превосхитена од тоа што се распалави и што наполно го збрка кутрото детуле. Положбата ми беше очајна. Како прво, поцрвенеа од срам затоа што речиси сите наоколу се свртеа кон нас, едни со чудење, други со насмешка, веднаш сфаќајќи дека убавицата изнаправила некакви палавости. Ужасно многу сакав и да врснам оти ми ги кршеше прстите со некаква суровост – баш затоа што не врскав, а јас, како Спартанец, решив да ја издржам болката, плашејќи се оти со врскањето ќе предизвикам збрка по која којзнае што ќе беше со мене. Во очај од безизлезната состојба, најпосле зедев да се борам и запнав со сета сила да си ја влечам кон себе сопствената рака, но мојава тиранка беше многу посилен од мене. Најсетне, не издржав, врснав, а палавката токму тоа го чекаше! Веднаш ме пушти и се сврте, како ништо да не сторила, како божем не ги направила таа палавостите, туку некој друг, баш како некаков школски немирко, кој штом се сврти учителот, веќе стигнал да се распалави наоколу, да штупне некој поситничок, да го чвркне по глава, да го клоцне, да го кошне со лактот и часкум да се заврти, да застане мирно, да се втренчи во книгата и да почне да си ја повторува лекција, сепнувајќи го така господинот учител, кој како јастреб со издолжен нос се обрнал на шумот.

Но, за моја среќа, во тој миг општото внимание беше сосредоточено на беспрекорната глума на нашиот домаќин, кој ја играше главната улога во пиесата, некаков си водвиљ. Сите аплаудираа, а јас, среде шумот, се смугнав од редот и протрчав кришум до самиот крај на салата, во спротивниот кош, од каде што, криејќи се зад столбот, со страв гледав накај местото каде што седеше подлата убавица. Таа сè уште се кикотеше, прикривајќи си ги усните со шамиче. И уште долго се вртеше наназад, барајќи ме со поглед по сите кошиња, веројатно жалејќи што така брзо заврши нашата налудничаво препирка и смислувајќи да ми изнаправи други палавости.

Така започна нашето познанство и од таа вечер веќе не отстапуваше ни чекор од мене. Бесовесно ме следеше насекаде, ме прогонуваше, ми стана тиранка. Сета комичност на нејзините палави испади кон мене се состоеше во тоа што се преправаше дека е до уши вљубена во мене и затоа така ме делкаше пред сите. Се разбира, за еден прав дивјак како мене, сето тоа беше неподносливо и

мачно до солзи, па веќе неколкупати бев во толку сериозна и критична положба, што дури бев готов да се стерам со мојата подла обожавателка. Мојата наивна вознемиреност, мојата очајничка лутина како да ја охрабруваа постојано да ме прогонува. Воопшто не знаеше за милост, а јас не знаев каде да се сокријам од неа. Смеата што се разлеваше околу нас и што таа умееше да ја побуди само ја потпалуваше да смислува нови палавштини. Но најсетне нејзините палавштини почнаа да ги сметаат за претерани. И навистина, како што сега си споменувам, веќе премногу си дозволуваше со едно дете да се поведи како што бев.

Ама таков ѝ беше наравот: по сите тертипи, беше палавка. От- после дознав оти најмногу ја разгалил нејзиниот сопруг, едно многу дебелко, ниско и црвендалесто човече, многу имашливо и пре- зафатено со работа, барем на изглед; пргав и растрчан, два часа не можеше да додржи на едно место. Секој ден патуваше од кај нас до Москва, понекогаш дури двапати, и цело време, како што самиот велеше, по работа. Повесела и поблага од оваа смешна, но секо- гаш пристojна појава беше тешко да се најде. Тој не само што си ја љубеше сопругата до слабост, до болка, туку, просто речено, ѝ се поклонуваше како на кумир.

Воопшто не ја притеснуваше во ништо. Пријатели и пријателки имаше мноштво. Како прво, неа речиси сите ја сакаа, а како второ, лекомисленицата и самата не беше многу пребирлива во изборот на пријателите, иако, во основа, наравот ѝ беше мошне посериозен одошто би се претпоставило судејќи според тоа што го раскажав. Но, од сите свои пријателки, најмногу љубеше и претпочиташе една млада дама, нејзина далечна роднина, која тогаш исто така беше во нашето друштво. Меѓу нив имаше некаква нежна, префинета поврзаност, од оние што понекогаш се зародуваат при средба на два нарави сосема противречни меѓу себе, од кои едниот е построг, подлабок и почист, додека другиот, со возвишена смиреност и со благородно чувство на самокритичност, нежно му се потчинува, чувствувајќи го неговото целосно превагнување врз себе и го не- гува в срце тоа пријателството како најголема среќа. Токму тогаш започнува нежната и благородна префинетост во однесувањето на таквите нарави: крајна љубов и снисходливост – од едната страна,

љубов и безмерна почит – од другата, почит што води до некаков страв, стравување за себеси во очите на другиот што толку многу го цениш, па до ревносна, ненаситна желба со секој следен чекор во животот да приоѓаш сè поблизу и поблизу до неговото срце. Обете пријателки беа на иста возраст, меѓутоа имаше неизмерна разлика меѓу нив во сè останато, започнувајќи од убавината. Мадам М. беше исто многу убава, но во нејзината убавина имаше нешто особено што остро ја изделуваше од толпата убави жени; имаше нешто во нејзиното лице што мигновено и непречено ги привлекуваше кон себе сите симпатии, или, подобро кажано, нешто што побудуваше благородна, возвишена симпатија кај сите што ќе ја сретнеа. Има такви среќни лица. Во нејзина близина, секому му беше некако попријатно, послободно, потопло, без оглед на тоа што нејзините големи натажени очи, полни пламен и сила, гледаа срамежливо и неспокојно, небаре под постојан страв од нешто непријатно и страшно, а таа чудна несигурност понекогаш со толкава натежност ѝ ги прекриваше кротките црти, кои потсетуваа на светлите лица на италијанските Богородици, што, гледајќи во неа, на човека му стануваше речиси исто толку жал како да носи некаква сопствена тага. Ова бледо, истенчено лице, на кое, низ беспрекорната убавина на чисти и правилни црти, низ мрачната сериозност на немата, прикриена тага, сè уште често проблеснуваше првобитниот детски бистар лик – лицето на доскорешните лековерни години и, можеби, на наивната среќа; тивката, но срамежлива и колеблива насмевка – сето ова исполнуваше со толку безрезервна симпатија кон оваа жена, што во сечие срце принудно се зародуваше блага и топла мисла, која уште оддалеку гласно зборуваше за неа и пред запознавање зближуваше со неа. Но, убавицата изгледаше некако молчалива и повлечена, иако, се разбира, немаше повнимателно и пољубезно суштество од неа кога некому му требаше сочувство. Има жени што во животот се баш како сестри на милосрдието. Пред нив ништо не може да се сокрие, или барем не тоа што е болно и ранливо за душата. Оној што страда може смело и сигурно да им пристапи и да не се плаши дека ќе им биде товар, затоа што ретки се тие што знаат колку бесконечно трпелива љубов, сочувство и прошка може да има во срцето на една жена. Цела ризница накло-

ности, утехи, надежи се негуваат во овие чисти, но често и ранети срца, бидејќи срцето што многу љуби – многу и страда, но раната таму е внимателно сокриена од љубопитните погледи, оти длабоката тага најчесто е молчалива и тајна. [...]

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ
(Из неизвестных мемуаров)
— фрагмент —

Было мне тогда без малого одиннадцать лет. В июле отпустили меня гостить в подмосковную деревню, к моему родственнику, Т — ву, к которому в то время съехалось человек пятьдесят, а может быть и больше, гостей... не помню, не сосчитал. Было шумно и весело. Казалось, что это был праздник, который с тем и начался, чтоб никогда не кончиться. Казалось, наш хозяин дал себе слово как можно скорее промотать всё свое огромное состояние, и ему удалось-таки недавно оправдать эту догадку, то есть промотать всё, дотла, дочиста, до последней щепки. Поминутно наезжали новые гости, Москва же была в двух шагах, на виду, так что уезжавшие только уступали место другим, а праздник шел своим чередом. Увеселения сменялись одни другими, и затеям конца не предвиделось. То верховая езда по окрестностям, целыми партиями, то прогулки в бор или по реке; пикники, обеды в поле; ужины на большой террасе дома, обставленной тремя рядами драгоценных цветов, заливавших ароматами свежий ночной воздух, при блестящем освещении, от которого наши дамы, и без того почти все до одной хорошенькие, казались еще прелестнее с их одушевленными от дневных впечатлений лицами, с их сверкавшими глазками, с их перекрестною резвою речью, переливавшеюся звонким как колокольчик смехом; танцы, музыка, пение; если хмурилось небо, сочинялись живые картины, шарады, пословицы; устраивался домашний театр. Явились краснобаи, рассказчики, бонмотисты.

Несколько лиц резко обрисовалось на первом плане. Разумеется, злословие, сплетни шли своим чередом, так как без них и свет не стоит, и миллионы особ перемерли бы от тоски как мухи. Но так как мне было одиннадцать лет, то я и не замечал тогда этих особ, отвлеченный совсем другим, а если и заметил что, так не всё. После уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая, сторона картины могла броситься в мои детские глаза, и это всеобщее одушевление, блеск, шум — всё это, доселе невиданное и неслыханное мною, так поразило меня, что я в первые дни совсем растерялся и маленькая голова моя закружилась.

Но я всё говорю про свои одиннадцать лет, и, конечно, я был ребенок, не более как ребенок. Многие из этих прекрасных женщин, лаская меня, еще не думали справляться с моими годами. Но — странное дело! — какое-то непонятное мне самому ощущение уже овладело мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сих пор незнакомое; и неведомое ему; но отчего оно подчас горело и билось, будто испуганное, и часто неожиданным румянцем обливалось лицо мое. Порой мне как-то стыдно и даже обидно было за разные детские мои привилегии. Другой раз как будто удивление одолевало меня, и я уходил куда-нибудь, где бы не могли меня видеть, как будто для того, чтоб перевести дух и что-то припомнить, что-то такое, что до сих пор, казалось мне, я очень хорошо помнил и про что теперь вдруг позабыл, но без чего, однако ж, мне покуда нельзя показаться и никак нельзя быть.

То, наконец, казалось мне, что я что-то затаил от всех, но ни за что и никому не сказывал об этом, затем что стыдно мне, маленькому человеку, до слез. Скоро среди вихря, меня окружавшего, почувствовал я какое-то одиночество. Тут были и другие дети, но все — или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочем, не до них было мне. Конечно, ничего б и не случилось со мною, если б я не был в исключительном положении. На глаза всех этих прекрасных дам, я всё еще был то же маленькое, неопределенное существо, которое они подчас любили ласкать и с которым им можно было играть как с маленькой куклой. Особенно одна из них, очаровательная блондинка, с пышными, густейшими волосами, каких я никогда потом не видел и, верно, никогда не увижу, казалось, поклялась не давать мне покоя. Меня смущал, а ее веселил смех, раздававшийся кругом нас, который она поминутно вызывала своими резкими, взбалмошными выходками со мною, что, видно, доставляло ей огромное наслаждение. В пансионах, между подругами, ее наверно прозвали бы школьницей. Она была чудно хороша, и что-то было в ее красоте, что так и металось в глаза с первого взгляда. И, уж конечно, она непохожа была на тех маленьких стыдливых блондинок, беленьких, как пушок, и нежных, как белые мышки или пасторские дочки. Ростом она была невысока и немного полна, но с нежными, тонкими линиями лица, очаровательно нарисованными. Что-то как молния сверкающее было в этом лице, да и вся

она — как огонь, живая, быстрая, легкая. Из ее больших открытых глаз будто искры сыпались; они сверкали, как алмазы, и никогда я не променяю таких голубых искрометных глаз ни на какие черные, будь они чернее самого черного андалузского взгляда, да и блондинка моя, право, стоила той знаменитой брюнетки, которую воспел один известный и прекрасный поэт и который еще в таких превосходных стихах поклялся всей Кастилией, что готов переломать себе кости, если позволят ему только кончиком пальца прикоснуться к мантилье его красавицы. Прибавь к тому, что *моя* красавица была самая веселая из всех красавиц в мире, самая взбалмошная хохотунья, резвая как ребенок, несмотря на то что лет пять как была уже замужем. Смех не сходил с ее губ, свежих, как свежа утренняя роза, только что успевшая раскрыть, с первым лучом солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодные крупные капли росы.

Помню, что на второй день моего приезда был устроен домашний театр. Зала была, как говорится, набита битком; не было ни одного места свободного; а так как мне привелось почему-то опоздать, то я и принужден был наслаждаться спектаклем стоя. Но веселая игра всё более и более тянула меня вперед, и я незаметно пробрался до самых первых рядов, где и стал наконец, облокотясь на спинку кресел, в которых сидела одна дама. Это была моя блондинка; но мы еще знакомы не были. И вот, как-то невзначай, засмотрелся я на ее чудно-округленные, соблазнительные плечи, полные, белые, как молочный кипень, хотя мне решительно всё равно было смотреть: на чудесные женские плечи или на чепец с огненными лентами, скрывавший седины одной почтенной дамы в первом ряду. Возле блондинки сидела перезревшая дева, одна из тех, которые, как случалось мне потом замечать, вечно ютятся где-нибудь как можно поближе к молоденьким и хорошеньким женщинам, выбирая таких, которые не любят гонять от себя молодежь. Но не в том дело; только эта дева подметила мои наблюдения, нагнулась к соседке и, хихикая, пошептала ей что-то на ухо. Соседка вдруг обернулась, и помню, что огневые глаза ее так сверкнули на меня в полусумраке, что я, не приготовленный к встрече, вздрогнул, как будто обжегшись. Красавица улыбнулась.

— Нравится вам, что играют? — спросила она, лукаво и насмешливо посмотрев мне в глаза.

— Да, — отвечал я, всё еще смотря на нее в каком-то удивлении, которое ей в свою очередь, видимо, нравилось.

— А зачем же вы стоите? Так — устанете; разве вам места нет?

— То-то и есть, что нет, — отвечал я, на этот раз более занятый заботой, чем искрометными глазами красавицы, и пресерьезно обрадовавшись, что нашлось наконец доброе сердце, которому можно открыть свое горе. — Я уж искал, да все стулья заняты, — прибавил я, как будто жалуясь ей на то, что все стулья заняты.

— Ступай сюда, — живо заговорила она, скорая на все решения так же, как и на всякую сумасбродную идею, какая бы ни мелькнула в взбалмошной ее голове, — ступай сюда, ко мне, и садись мне на колени.

— На колени?.. — повторил я, озадаченный.

Я уже сказал, что мои привилегии серьезно начали меня обижать и совестить. Эта, будто на смех, не в пример другим далеко заходила. К тому же я, и без того всегда робкий и стыдливый мальчик, теперь как-то особенно начал робеть перед женщинами и поэтому ужасно сконфузился.

— Ну да, на колени! Отчего же ты не хочешь сесть ко мне на колени? — настаивала она, начиная смеяться всё сильнее и сильнее, так что наконец просто принялась хохотать бог знает чему, может быть, своей же выдумке или обрадовавшись, что я так сконфузился. Но ей того-то и нужно было.

Я покраснел и в смущении осматривался кругом, приискивая — куда бы уйти; но она уже предупредила меня, как-то успев поймать мою руку, именно для того, чтоб я не ушел, и, притянув ее к себе, вдруг, совсем неожиданно, к величайшему моему удивлению, предельно сжала ее в своих шаловливых, горячих пальчиках и начала ломать мои пальцы, но так больно, что я напрягал все усилия, чтоб не закричать, и при этом делал пресмешные гримасы. Кроме того, я был в ужаснейшем удивлении, недоумении, ужасе даже, узнав, что есть такие смешные и злые дамы, которые говорят с мальчиками про такие пустяки да еще больно так щиплются, бог знает за что и при всех. Вероятно, мое несчастное лицо отражало все мои не-

доумения, потому что шалунья хохотала мне в глаза как безумная, а между тем всё сильнее и сильнее щипала и ломала мой бедные пальцы. Она была вне себя от восторга, что удалось-таки нашкольникать, сконфузить бедного мальчика и замистифицировать его в прах. Положение мое было отчаянное. Во-первых, я горел от стыда, потому что почти все кругом нас оборотились к нам, одни в недоумении, другие со смехом, сразу поняв, что красавица что-нибудь напроказила. Кроме того, мне страх как хотелось кричать, потому что она ломала мои пальцы с каким-то ожесточением, именно за то, что я не кричу: а я, как спартаец, решил выдерживать боль, боясь наделать криком суматоху, после которой уж не знаю, что бы случилось со мною. В припадке совершенного отчаяния начал я наконец борьбу и принялся из всех сил тянуть к себе свою собственную руку, но тиранка моя была гораздо меня сильнее. Наконец я не выдержал, вскрикнул, — того только и ждала! Мигом она бросила меня и отвернулась, как ни в чем не бывала, как будто и не она напроказила, а кто другой, ну точь-в-точь какой-нибудь школьник, который, чуть отвернулся учитель, уже успел напроказить где-нибудь по соседству, щипнуть какого-нибудь крошечного, слабосильного мальчика, дать ему щелчка, пинка, подтолкнуть ему локоть и мигом опять повернуться, поправиться, уткнувшись в книгу, начать долбить свой урок и, таким образом, оставить разгневанного господина учителя, бросившегося, подобно ястребу, на шум, — с предлинным и неожиданным носом.

Но, к моему счастью, общее внимание увлечено было в эту минуту мастерской игрой нашего хозяина, который исполнял в игравшейся пьеске, какой-то скрибовской комедии, главную роль. Все зааплодировали; я, под шумок, скользнул из ряда и забежал на самый конец залы, в противоположный угол, откуда, притаясь за колонной, с ужасом смотрел туда, где сидела коварная красавица. Она всё еще хохотала, закрыв платком свои губки. И долго еще она оборачивалась назад, выглядывая меня по всем углам, — вероятно, очень жалея, что так скоро кончилась наша сумасбродная схватка, и придумывая, как бы еще что-нибудь напроказить.

Этим началось наше знакомство, и с этого вечера она уже не отставала от меня ни на шаг. Она преследовала меня без меры и

совести, сделалась гонительницей, тиранкой моей. Весь комизм ее проделок со мной заключался в том, что она сказалась влюбленною в меня по уши и резала меня при всех. Разумеется, мне, прямому дикарю, всё это до слез было тяжело и досадно, так что я уже несколько раз был в таком серьезном и критическом положении, что готов был подраться с моей коварной обожательницей. Мое наивное смущение, моя отчаянная тоска как будто окрыляли ее преследовать меня до конца. Она не знала жалости, а я не знал — куда от нее деваться. Смех, раздававшийся кругом нас и который она умела-таки вызвать, только поджигал ее на новые шалости. Но стали наконец находить ее шутки немного слишком далекими. Да и вправду, как пришлось теперь вспомнить, она уже чересчур позволяла себе с таким ребенком, как я.

Но уж такой был характер: была она, по всей форме, баловница. Я слышал потом, что избаловал ее всего более ее же собственный муж, очень толстенький, очень невысокий и очень красный человек, очень богатый и очень деловой, по крайней мере с виду: вертлявый, хлопотливый, он двух часов не мог прожить на одном месте. Каждый день ездил он от нас в Москву, иногда по два раза, и всё, как сам уверял, по делам. Веселее и добродушнее, этой комической и между тем всегда порядочной физиономии трудно было сыскать. Он мало того, что любил жену до слабости, до жалости, — он просто поклонялся ей как идолу.

Он не стеснял ее ни в чем. Друзей и подруг у ней было множество. Во-первых, ее мало кто не любил, а во-вторых — ветреница и сама была не слишком разборчива в выборе друзей своих, хотя в основе ее характера было гораздо более серьезного, чем сколько можно предположить, судя по тому, что я теперь рассказал. Но из всех подруг своих она всех больше любила и отличала одну молодую даму, свою дальнюю родственницу, которая теперь тоже была в нашем обществе. Между ними была какая-то нежная, утонченная связь, одна из тех связей, которые зарождаются иногда при встрече двух характеров, часто совершенно противоположных друг другу, но из которых один и строже, и глубже, и чище другого, тогда как другой, с высоким смирением и с благородным чувством самооценки, любовно подчиняется ему, почувствовав всё превосходство

его над собою и, как счастье, заключает в сердце своем его дружбу. Тогда-то начинается эта нежная и благородная утонченность в отношениях таких характеров: любовь и снисхождение до конца, с одной стороны, любовь и уважение — с другой, уважение, доходящее до какого-то страха, до боязни за себя в глазах того, кем так высоко дорожишь, и до ревнивого, жадного желания с каждым шагом в жизни всё ближе и ближе подходить его сердцу. Обе подруги были одних лет, но между тем была неизмеримая разница во всем, начиная с красоты. М-те М* была тоже очень хороша собой, но в красоте ее было что-то особенное, резко отделявшее ее от толпы хорошеньких женщин; было что-то в лице ее, что тотчас же неотразимо влекло к себе все симпатии, или, лучше сказать, что пробуждало благородную, возвышенную симпатию в том, кто встречал ее. Есть такие счастливые лица. Возле нее всякому становилось как-то лучше, как-то свободнее, как-то теплее, и, однако ж, ее грустные большие глаза, полные огня и силы, смотрели робко и беспокойно, будто под ежеминутным страхом чего-то враждебного и грозного, и эта странная робость таким унынием покрывала подчас ее тихие, кроткие черты, напоминавшие светлые лица итальянских мадонн, что, смотря на нее, самому становилось скоро так же грустно, как за собственную, как за родную печаль. Это бледное, похудевшее лицо, в котором сквозь безукоризненную красоту чистых, правильных линий и унылую суровость глухой, затаенной тоски еще так часто просвечивал первоначальный детски ясный облик, — образ еще недавних доверчивых лет и, может быть, наивного счастья; эта тихая, но несмелая, колебавшаяся улыбка — всё это поражало таким безотчетным участием к этой женщине, что в сердце каждого невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще издали и еще вчуже роднила с нею. Но красавица казалась как-то молчаливою, скрытною, хотя, конечно, не было существа более внимательного и любящего, когда кому-нибудь надобилось сочувствие. Есть женщины, которые точно сестры милосердия в жизни. Перед ними можно ничего не скрывать, по крайней мере ничего, что есть большого и уязвленного в душе. Кто страждет, тот смело и с надеждой иди к ним и не бойся быть в тягость, затем что редкий из нас знает, насколько может быть бесконечно

терпеливой любви, сострадания и всепрощения в ином женском сердце. Целые сокровища симпатии, утешения, надежды хранятся в этих чистых сердцах, так часто тоже уязвленных, потому что сердце, которое много любит, много грустит, но где рана бережливо закрыта от любопытного взгляда, затем что глубокое горе всего чаще молчит и таится. [...]

СТОГОДИШНА

ПРЕВОД: ЈОВАН КОВАЧЕВСКИ

ВОВЕД

Литературното дело „Стогодишна“ (*Столетняя*) е напишано и издадено во 1876 г. и претставува дел од збирката кратки раскази и статии издадени под името „Дневникот на писателот“ од Фјодор Михајлович Достоевски.

Овој краток расказ, кој бил објавен неколкупати, спаѓа во жанрот физиолошка скица (*физиологический очерк*), жанр што строго се потпира на реализмот, а се карактеризира со детално претставување на секојдневниот живот на луѓето, на нивните вистински чувства и мисли, каде што веќе го немаме т.н. „слаб херој“ што се бара себеси, а луѓето се претставени онакви какви што се, со нивните позитивни и негативни страни.

Расказот е поделен на два дела, од кои првиот се темели на вистинска случка, директно раскажана и пренесена на Достоевски од неговата сопруга Ана Григорјевна Достоевскаја, а вториот дел е едно продолжение на настаните, смислено од самиот писател, каде што тој ја досликува скицата и ѝ дава еден мошне впечатлив крај, кој не го остава читателот рамнодушен.

Како главен лик и двигател на дејството се јавува „стогодишната“, преку која Достоевски го прикажува животот на обичните луѓе, нивните сфаќања, меѓусебните односи и нивното место во тогашното општество. Како што стогодишната се движи по петербуршките улици, така низ испишаните зборови читателот може да го почувствува изминувањето на времето, кое се јавува како важно прашање поставено од писателот, чиј став и одговор го добиваме индиректно при самиот крај. Оставајќи го романтизмот зад себе, Достоевски овде ја надолува содржината и со прашањето за материјализмот, односно колку и до кој степен парите му се потребни на човекот штом ќе дојде до крајната цел, а зборувајќи за целта, го поставува прашањето: „што потоа?“, алудирајќи на она пред кое се покорува дури и моќното човечко битие – смртта.

Преведувањето на краткиов расказ беше вистински предизвик за мене, и тоа од неколку аспекти. Во еден момент се најдов пред

непознат текст, временски застарен и мошне оддалечен од современиот руски јазик што го изучуваме денес. Првин, како и вообичаено, беше потребно детално да се истражат периодот кога бил напишан и причините за неговото создавање. Веќе постоечките анализи се покажаа како добро средство за разбирање и ориентирање низ текстот, помагајќи ми лесно да ги поврзам информациите со настаните и да добијам некаква бледа слика што започна да се разбиструва во моментот кога пристигнав до главниот зафат – темелното читање. Најпрвин започнав со обележување на непознатите зборови и нејасните реченици, над кои поминав долго време, барајќи ги во речниците и низ дигиталните извори, како и, се разбира, консултирајќи се и барајќи помош од родените говорители на рускиот јазик. Тука ја воочив вредноста на речниците и индиректно им се благодарив на сите оние што ги создавале пред мене, кои со својот макотрпен труд ми помогнаа и ми ја олеснија работата при преводот. Самиот превод во некои моменти се движеше брзо, а во други навистина бавно. Како главен проблем би го посочил преносот на вистинското значење на исказот на македонски јазик, при што потрошив време консултирајќи се со домашните, пријателите и колегите, во напор да ја пронајдам најприродната синтаксичка форма на македонските говорители. Но преведувањето има и свои интересни моменти, како оние кога конечно ќе го најдеме вистинскиот збор што до неодамна ни изгледал толку далечен, а всушност било потребно само да се сосредоточиме и да се потпремене на богатиот вокабулар на нашиот јазик. Најтешкиот избор не беше поврзан со постигнувањето верност на преводот или со пронаоѓањето на точниот збор, туку со обликувањето на расказот како целина, при што се оддалечував, колку што можев да си дозволам, од стандардниот литературен јазик, без да го преминам прагот на дозволеното.

Драги читатели, се надевам дека овој превод ќе ве доведе што е можно поблиску до светот на Достоевски и дека читањето на расказов ќе ве поттикне и ќе ве втурне во натамошно истражување и проучување на останатите неговите дела.

СТОГОДИШНА

„Тоа утро многу задоцнив“, ми раскажуваше пред некој ден една дама, „и излегов оддома речиси напладне, а како да мораше баш тогаш, ми се насобраа многу обврски. На Николаевската улица требаше да наминам на две места, не многу оддалечени едно од друго. Првин појдов во канцеларијата и на самата порта сретнав една бабичка – ми се виде старичка, свиткана, со стапче, но сепак не ѝ ги погодив годините – дојде до портата и тука, на кошот пред портата, приседна да се одмори на домарската клупичка. Поминав покрај неа, а таа само ми се мерна пред очите.

По десетина минути, излегувам од канцеларијата, а тука, две куќи подолу, беше продавницата каде што уште претходната недела имав порачано чизмички за Соња, па појдов патем да ги земам, и гледам – истата старица, сега седнала на клупата пред другава куќа, седи и ме гледа; ѝ се насмевнав, влегов и ги зедев чизмичките. Три-четири минути поминаа само, продолжувам по Невски и што да видам – ете ја пак мојава старица, веќе пред третата куќа, пак пред портата, само не седнала на клупа, бидејќи немаше, туку се засолнила под стреата. Застанав неволно пред неа и се замислив зошто ли седи така пред секоја куќа.

– Се измори ли – велам – бабичке?

– Се изморив, мила, само се изморувам. Топло е, си велам, сонце огреало, да појдам кај внучињата на ручек.

– На ручек ли си појдена, бабичке?

– На ручек, мила, на ручек.

– Ама вака нема да стигнеш.

– Не, ќе стигнам, еве вака, ќе поодам малку, па ќе одморам, па пак ќе станам и ќе поодам.

Ја гледам така и ми се разгоре љубопитноста. Старицата беше ситна, чиста, облеката ѝ беше дотраена, најверојатно беше од занаетчискиот сталеж, со стапче, со бледо, жолто лице, коски и кожа, со безбојни усни, како некоја мумија, а седнала насмеана и сонцето свети право на неа.

– Мора да си многу стара, бабичке – ја прашувам јас, на шега, се разбира.

– Сто и четири години, мила, сто и четири годинки имам само...
– и таа се пошегува. – А ти каде си тргнала сама?

И ме гледа смешкајќи се – се израдува белки што помуабети со некого, само чудно ми се виде на стогодишнава да ѝ е грижа каде сум тргнала, небаре ѝ притребало да знае.

– Еве, бабо – се смешкам и јас – чизмички на ќеркичката ѝ зедев од продавницава, па дома ги носам.

– Их, ама се мали, мала ти е ќеркичката, а? Убаво, убаво. Имаш ли уште дечиња?

И пак само се смешка и ме гледа. Очите ѝ се матни, речиси мртви, а како некаков зрак топол да свети од нив.

– Земи пет копејки, бабичке, купи си лепче – и ѝ подавам паричка.

– Пет копејки ли ми даваш? Добро, сполај ти, ќе ти ги земам.

– Еве, земи, бабичке, проштевај. – Ги зеде. Се гледаше дека не проси, дека не беше доведена дотаму, но ги зеде од мене со убаво, не како милостина, туку небаре од учтивост или од добрината на своето срце. Всушност, можеби ѝ се допадна тоа, оти кој би помуабетил со неа, со старица, а тука не само што разговараат со неа, туку и се грижат за неа со љубов.

– Сè најдобро – велам – бабичке. Да си ми здрава и жива.

– Ќе бидам, мила, ќе бидам. А ти оди си кај внука ти – се збунени старицата, заборавајќи дека имам ќерка, а не внука, очигледно си мислеше дека веќе сите имаат внуки. Појдов и се свртев да ја погледнам за последен пат, а таа, гледам, се крена, полека, со мака, тропна со стапчето и се одвлечка по улицата. Уште десетина пати можеби ќе одмори по улицата додека стигне кај своите „на ручек“. А каде ли оди да руча? Чудна старица.“

Го ислушав тоа утро расказов – додуша, не расказ, туку некаков впечаток од средбата со стогодишната (и навистина, кога ќе сретне човек стогодишна старица, па уште таква, полна со душевна сила?) – и сосема го бев подзаборавил, а доцна ноќта, откако прочитав еден напис во весник и го оставив весникот настрана, одеднаш се сетив на старицата и некако мигум си го досликав продолжението – како дошла да руча кај своите – па излезе друга, можеби многу веродостојна мала слика.

Внуците, а можеби и правнуци, само што таа сите заедно ги нарекува внуци, веројатно се некакви занаетчи, секако семејни луѓе, инаку не би отишла на ручек кај нив, живеат во некој подрум, а можеби изнајмуваат и некаква берберница, сиромашни се, секако, но имаат за јадење и го почитуваат редот домашен. Веројатно стигнала кај нив дури во два часот. Не ја очекувале, но ја пречекале, можеби прилично срдечно.

– А, еве ја и неа, влезе, влезе, Марија Максимовна, повели, слуго божја!

Старицата влегува, смешкајќи се, а своното на влезот уште долго свони, остро и тенко. Внука ѝ е, најверојатно, жена на берберот, а тој, пак, е сè уште млад, триесет и петина години има, сериозен во својот занает, макар што занаетот може да му е и лекомислен, носи костум измрсен од помада, или којзнае од што, поинаков бербер никогаш немам ни видено, јаката на костумот секогаш им е како истапкана во брашно. Три мали дечиња – момче и две девојчиња – веднаш се стрчаа кон прабабата. Обично на таквите престарени бабички лесно им оди со децата: и самите душевно многу заличуваат на деца, а понекогаш се дури исти како нив. Седна старицата; кај домаќинот имаше некој познајник – гостин ли, по работа ли дојден – човек на четириесетина години, кој веќе се готвеше да си оди. На гости му е и внукот, син на сестра му, седумнаесетгодишно момче, со ниет да го учи печатарскиот занает. Старицата се прекрсти и седна, па се загледа во гостинот.

– Ох, се изморив! А кој ви е дојден?

– Кој тоа, јас ли? – одговара гостинот, смешкајќи се. – Аман, Марија Максимовна, зарем не ме препознавте? Пред три години заедно се готвевме да одиме в шума по печурки.

– Ох, ти си бил, те знам тебе, шегаџија еден. Те помнам, само на името не ми текнува, како ти беше, ама те помнам. Ох, се изморив нешто.

– А зошто вие, Марија Максимовна, бабичке драга, ич не растете? Ете што сакав да ве прашам – се пошегува гостинот.

– Ах, што си ти – се смее бабичката, очигледно задоволна.

– Јас сум добар човек, Марија Максимовна.

– А со добар човек добро е и да се помуабети. Ох, уште сум задишана, мајко мила. Гледам, палтенце сте му сошиле на Серјожа?

И покажува накај внукот.

Внукот, буцкасто и здраво момче, се смее слатко и приоѓа поблиску; носи ново сиво палтенце и сè уште не може рамнодушно да го облече. Рамнодушноста ќе дојде дури по една недела, а сега цело време си се загледува во манжетните, во реверите, се огледува целиот во огледало и посебна почит чувствува кон себе.

– Ела, сврти се – црцори жената на берберот – види, Максимовна, што сме сошиле, шест рубли летнаа како копејка, за поевтино, ни рекоа кај Прохорич, не вреди ни да се почне, после ќе се каете, бадијала парите ќе ги фрлите. Види каков штоф! Сврти се! Каква постава, каков квалитет, види колку е цврсто, сврти се! Ете, така одат парите, Максимовна, летаат.

– Ах, мајко мила, веќе сè поскапе на светов, крајот не можеш да му го фатиш, поарно не ми кажувај, ќе ме растроиш – трогнато вели Максимовна и сè уште не може да си го смири здивот.

– Доста муабетење – вели домаќинот – треба да се касне нешто. Те гледам, Марија Максимовна, многу си ми се изморила.

– А, бе, златен, се изморив, денов е топол, сонце огреало, дај, си велама, ќе одам да ги видам... да не лежам. Ох! А по пат една госпоѓа мила сретнав, млада, чизмички на дечињата им купи: „Си се изморила“, ми вели, „бабичке. Еве ти пет копејки, купи си лепче...“ А јас, да ви кажам, ѝ ја зедев паричката...

– Ајде, бабо, првин одмори малку, што си се задишала така денес? – наеднаш некако особено грижливо рече домаќинот.

Сите се загледаа во неа, одеднаш стана многу бледа, усните сосема ѝ побелеа. И таа се загледа во сите нив, ама некако матно.

– Ете, си велама... колачиња за дечињата... пет копејки...

И пак застапа да земе здив. Наеднаш сите замолчеа на некој миг.

– Што е, бабо? – се наведна домаќинот кон неа.

Но бабата не одговори. И пак на неколку мига надвисна молк. Старицата како да стана уште побела, а лицето како одеднаш да ѝ се исуши. Очите не ѝ се мрдаа, насмевката ѝ се замрзна на усните, се загледа право, ама веќе како да не гледаше.

– Да одиме по поп!.. – некако нагло и брзо рече со тивок глас гостинот одзади.

– Ама да не е... доцна... – промрмори домаќинот.

– Бабо, еј, бабо! – вика по старицата жената на берберот, на еднаш целата растреперена; но бабата е неподвижна, само главата ѝ се ведне настрана; во десната рака што лежи на масата си ги држи петте копејки, а левата ѝ останала врз плеќите на постариот правнук Миша, шестгодишно момче. Тој стои вкочането и ја гледа прабабата со крупните, зачудени очи.

– Си замина! – одмерено и значајно вели наведнатиот домаќин и полека се крсти.

– Ете ти! А ја гледам некако целата се наведна – трогнато и испрекинато вели гостинот, кој е сосема стаписан и се обзира кон сите.

– Ах, Господи! Ете ти! Што да правиме сега, Макарич? Онде ли да ја носиме? – брзо црцори домаќинката, сета растроена.

– Каде онде? – достоинствено одвраќа домаќинот – Тука ќе ја погребеме, роднина си ѝ или не? Треба само да се појде и да се извести.

– Сто и четири години, а? – се туфка гостинот в место, уште повеќе трогнат. Дури и како да поцрвенел целиот.

– Да, почна да заборава последниве години – уште посериозно и поодмерно вели домаќинот, барајќи си ја капата и соблекувајќи го палтото.

– А до пред минута се смееше, се веселеше! Види, уште ги држи в рака петте копејки! Колачиња за дечињата, вели, ах, леле, животе наш!

– Ајде, да одиме, Петар Степанич – домаќинот го прекинува гостинот и двајцата излегуваат. По ваквите покојници, секако, не се плаче. Сто и четири години, „си отиде здрава и непосрамена“. Домаќинката ги викна соседите да помогнат. Тие дотрчаа за миг и речиси со задоволство ја сослушаа веста, иако офкаа и лелекаа. Првин, се разбира, го наложија самоварот. Зачудените деца се пикнаа в кош и оддалеку ја гледаа починатата баба. Миша додека е жив ќе ја помни старицата, како умре со раката врз неговото рамо, а кога тој ќе умре, никој на светот нема да се сеќава и нема да знае дека некогаш живеела таква старица и дека проживеала сто и четири години, нема да се знае зошто и како. А и зошто да се помни кога е сеедно. Така си одат милиони луѓе: живеат незабележано и умира-

ат незабележано. Само што самиот миг на смртта на тие стогодишни старци и старици носи во себе нешто трогателно и тивко, нешто дури значајно и помирливо: сто години некако чудно му делуваат на човека до ден-денес. Благослови ги, Боже, животот и смртта на простите добри луѓе.

Ете така, лесна и безначајна слика. Ќе намислиш да прераскажеш нешто поинтересно од она што си го слушнал пред месец, а кога ќе почнеш, тогаш – или не можеш, или не му е време, или „не кажувај сè што знаеш“, и така, на крајот на краиштата, остануваат сè само безначајни нешта...

СТОЛЕТНЯЯ

«В это утро я слишком запоздала, – рассказывала мне на днях одна дама, – и вышла из дому почти уже в полдень, а у меня, как нарочно, скопилось много дела. Как раз в Николаевской улице надо было зайти в два места, одно от другого недалеко. Во-первых, в контору, и у самых ворот дома встречаю эту самую старушку, и такая она мне показалась старенькая, согнутая, с палочкой, только все же я не угадала ее лет; дошла она до ворот и тут в уголку у ворот присела на дворницкую скамеечку отдохнуть. Впрочем, я прошла мимо, а она мне только так мелькнула.

Минут через десять я из конторы выхожу, а тут через два дома магазин, и в нем у меня еще с прошлой недели заказаны для Сони ботинки, я и пошла их захватить кстати, только смотрю, а та старушка теперь уж у этого дома сидит, и опять на скамеечке у ворот, сидит, да на меня и смотрит; я на нее улыбку сделала, зашла, взяла ботинки. Ну, пока минуты три-четыре прошло – пошла дальше к Невскому, ан смотрю – моя старушка уже у третьего дома, тоже у ворот, только не на скамеечке, а на выступе приютилась, а скамейки в этих воротах не было. Я вдруг перед ней остановилась невольно: что это, думаю, она у всякого дома садится?

– Устала, – говорю, – старушка?

– Устаю, родненькая, всё устаю. Думаю: тепло, солнышко светит, дай пойду к внучкам пообедать.

– Это ты, бабушка, пообедать идешь?

– Пообедать, милая, пообедать.

– Да ты этак не дойдешь.

– Нет, дойду, вот пройду сколь и отдохну, а там опять встану да пойду.

Смотрю я на нее, и ужасно мне стало любопытно. Старушка маленькая, чистенькая, одежда ветхая, должно быть из мещанства, с палочкой, лицо бледное, желтое, к костям присохшее, губы бесцветные, – мумия какая-то, а сидит – улыбается, солнышко прямо на нее светит.

– Ты, должно быть, бабушка, очень стара, – спрашиваю я, шутя разумеется.

– Сто четыре года, милая, сто четыре мне годика, только всего (это она пошутила)... А ты-то сама куда идешь?

И глядит на меня – смеется, обрадовалась она, что ли, поговорить с кем, только странною мне показалась у столетней такая забота – куда я иду, точно ей это так уж надо.

– Да вот, бабушка, – смеюсь и я, – ботиночки девочке моей в магазине взяла, домой несу.

– Ишь махонькие, башмачки-то, маленькая девочка-то у тебя? Это хорошо у тебя. И другие детки есть?

И опять всё смеется, глядит. Глаза тусклые, почти мертвые, а как будто луч какой-то из них светит теплый.

– Бабушка, хочешь, возьми у меня пяточок, купи себе булочку, – и подаю я ей этот пяточок.

– Чтой-то ты мне пяточок? Что ж, спасибо, я и возьму твой пяточок.

– Так на, бабушка, не взыщи. – Она взяла. Видно, что не просит, не доведена до того, но взяла она у меня так хорошо, совсем не как милостыню, а так, как будто из вежливости или из доброты своего сердца. А впрочем, может, ей и очень понравилось это, потому что кто же с ней, с старушкой, заговорит, а тут еще с ней не только говорят, да еще об ней с любовью заботятся.

– Ну, прощай, – говорю, – бабушка. Дойди на здоровье.

– Дойду, родненькая, дойду. Я дойду. А ты к своей внучке ступай, – сбилась старушка, забыв, что у меня дочка, а не внучка, думала, видно, что уж и у всех внучки. Пошла я и оглянулась на нее в последний раз, вижу, она поднялась, медленно, с трудом, стукнула палочкой и поплелась по улице. Может, еще раз десять отдохнет дорогой, пока дойдет к своим «пообедать».

И куда это она ходит обедать? Странная такая старушка».

Выслушал я в то же утро этот рассказ, – да, правда, и не рассказ, а так, какое-то впечатление при встрече с столетней (в самом деле, когда встретишь столетнюю, да еще такую полную душевной жизни?), – и позабыл об нем совсем, и уже поздно ночью, прочтя одну статью в журнале и отложив журнал, вдруг вспомнил про эту старушку и почему-то мигом дорисовал себе продолжение о том, как она дошла к своим пообедать: вышла другая, может быть, очень правдоподобная маленькая картинка.

Внучки ее, а может, и правнучки, да уж так зовет их она заодно внучками, вероятно, какие-нибудь цеховые, семейные, разумеется, люди, не то она не ходила бы к ним обедать, живут в подвале, а может, и цирюльню какую-нибудь снимают, люди, конечно, бедные, но все же, может, питаются и наблюдают порядок. Добрела она к ним, вероятно, уже часу во втором. Ее и не ждали, но встретили, может быть, довольно приветливо.

– А вот и она, Марья Максимовна, входи, входи, милости просим, раба божия!

Старушка входит, посмеиваясь, колокольчик у входа еще долго, резко и тонко звенит. Внучка-то ее, должно быть, жена этого цирюльника, а сам он еще человек нестарый, лет этак тридцати пяти, по ремеслу своему степенен, хотя ремесло и легкомысленное, и, уж разумеется, в засаленном, как блин, сюртуке, от помады, что ль, не знаю, но иначе я никогда не видал «цирюльников», равно как воротник на сюртуке всегда у них точно в муке вывалян. Трое маленьких деточек – мальчик и две девочки – мигом подбежали к прабабушке. Обыкновенно такие уж слишком старенькие старушки всегда как-то очень сходятся с детьми: сами-то уж очень они похожи на детей становятся душевно, иногда даже точь-в-точь. Села старушка; у хозяина не то гость, не то по делу, один тоже, лет со-рока, знакомый его, уже уходит собирался. Да племянник к тому же гостит, сын сестры его, парень лет семнадцати, в типографию хочет определиться. Старушка перекрестилась и садится, глядит на гостя:

– Ох, устала! Это кто же такой у вас?

– Это я-то? – отвечает гость, посмеиваясь, – что ж, Марья Максимовна, неужто нас не признали? Третьего-то года по опенки в лес всё собирались вместе с вами сходить.

– Ох, уж ты, знаю тебя, надсмешник. Помню тебя, вот только назвать как тебя не припомню, кто ты таков, а помню. Ох, устала я чтой-то.

– Да что ж вы, Марья Максимовна, старушка почтенная, не растете нимало, вот что я тебя спросить хотел, – шутит гость.

– И, ну тебя, – смеется бабушка, видимо, впрочем, довольная.

– Я, Марья Максимовна, человек добрый.

– А с добрым и поговорить любопытно. Ох, всё-то я задыхаюсь, мать. Пальтецо-то Сереженьке видно уж состроили?

Она указывает на племянника.

Племянник, бутузоватый и здоровый паренек, улыбается во весь рот и надвигается ближе; на нем новенькое серое пальтецо, и он еще не может равнодушно надевать его. Равнодушие придет разве только еще через неделю, а теперь он поминутно смотрит себе на обшлага, на лацканы и вообще на всего себя в зеркало и чувствует к себе особенное уважение.

– Да ты поди, повернись, – стрекочет жена цирюльника. – Смотри-ка, Максимовна, какое построили; ведь шесть рублей как одна копеечка, дешевле, говорят нам у Прохорыча, теперь и начинать не стоит, сами, говорят, потом слезьми заплачете, а уж эдакому износу нет. Вишь материя-то! Да ты повернись! Подкладка-то какая, крепость-то, крепость-то, да ты повернись! Так-то вот и уходят денежки, Максимовна, умылась наша копеечка.

– Ах, мать, уж так теперь дорого стало на свете, что и ни с чем не совместно, лучше б и не говорила ты мне и не расстроивала меня, – с чувством замечает Максимовна, а всё еще дух не может перевести.

– Ну, да и довольно, – замечает хозяин, – закусить бы надо. Что это ты, должно быть, уж очень, вижу я это, пристала, Марья Максимовна?

– Ох, умник, устала, денек-то теплый, солнышко; дай, думаю, их проведаю... что лежать-то. Ох! А дорогой барыньку встретила, молодую, башмачки деткам купила: «Что это ты, старушка, говори, устала? на-ка тебе пяточок: купи себе булочку...» А я, знаешь, и взяла пяточок-то...

– Да ты, бабушка, всё же отдохни маленечко сперва-наперво, что это сегодня так задыхаешься? – как-то вдруг особенно заботливо проговорил хозяин.

Все на нее смотрят; уж очень бледна она вдруг стала, губы совсем побелели. Она тоже всех оглядывает, но как-то тускло.

– Вот, думаю... пряничков деткам... пяточок-то...

И опять остановилась, опять переводит дух. Все вдруг при- молкли, секунд этак на пять.

– Что, бабушка? – наклонился к ней хозяин.

Но бабушка не ответила: опять молчание, и опять секунд на пять. Старушка еще как бы блее стала, а лицо как бы вдруг всё осунулось. Глаза остановились, улыбка застыла на губах; смотрит прямо, а как будто уж и не видит.

– За попом бы!.. – как-то вдруг и торопливо проговорил сзади вполголоса гость.

– Да... не... поздно ли... – бормочет хозяин.

– Бабушка, а бабушка? – окликает старушку жена цирюльника, вдруг вся всполохнувшись; но бабушка неподвижна, только голова клонится набок; в правой руке, что на столе лежит, держит свой пяточок, а левая так и осталась на плече старшего правнучка Миши, мальчика лет шести. Он стоит не шелохнется и большими удивленными глазами разглядывает прабабушку.

– Отошла! – мерно и важно произносит, восклонившись, хозяин и слегка крестится.

– Ведь вот оно! То-то, я вижу, вся клонится, – умиленно и отрывисто произносит гость; он ужасно поражен и на всех оглядывается.

– Ах, господи! Вот ведь! Как же теперь быть-то, Макарыч? Туда, что ль, ее? – щебечет хозяйка торопливо и вся растерявшись.

– Куда туды? – степенно откликается хозяин, – сами здесь справим; родная ты ей аль нет? А пойтить дать знать надо.

– Сто четыре годика, а! – толчется на месте гость, все больше и больше. Он даже весь покраснел как-то.

– Да, забывать стала жисть-то в последние годы, – еще важнее и степеннее замечает хозяин, ища фуражку и снимая шинель.

– А ведь за минуту смеялась, как веселилась! Ишь пяточок-то в руке! Пряничков, говорит, о-ох, жисть-то наша!

– Ну, пойдем, что ли, Петр Степаныч, – прерывает гостя хозяин, и оба выходят. По такой, конечно, не плачут. Сто четыре года, «отошла без болезни и непостыдно». Хозяйка послала к соседкам за подмогой. Те прибежали мигом, почти с удовольствием выслушав вест, охая и вскрикивая. Первым делом поставили, разумеется, самоварчик. Дети с удивленным видом забились в угол и издали смотрят на мертвую бабушку. Миша, сколько ни проживет, всё запомнит старушку, как умерла, забыв руку у него на плече, ну а когда

он умрет, никто-то на всей земле не вспомнит и не узнает, что жила-была когда-то такая старушка и прожила сто четыре года, для чего и как – неизвестно. Да и зачем помнить: ведь всё равно. Так отходят миллионы людей: живут незаметно и умирают незаметно. Только разве в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как бы нечто умиленное и тихое, как бы нечто даже важное и миротворное: сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека. Благослови бог жизнь и смерть простых добрых людей!

А впрочем, так, легкая и бессюжетная картина.

Право, наметишь пересказать из слышанного за месяц что-нибудь позанимательнее, а как приступишь, то как раз или нельзя, или нейдет к делу, или «не всё то говори, что знаешь», а в конце концов остаются всё только самые бессюжетные вещи...

СЕЛАНЕЦОТ МАРЕЈ

ПРЕВОД: АНА ТОДОРОВА

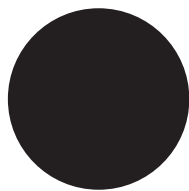
АНА ТОДОРОВА

ВОВЕД

Краткото прозно дело „Селанецот Мареј“ (*Мужик Мареј*) е дел од подоцнежното творештво на Достоевски, издадено во 1876 г. како дел од неговата збирка есеи и раскази „Дневникот на писателот“, пет години пред неговата смрт. Издадена една година по неговиот роман „Момче“, оваа збирка, всушност, се продала во двојно поголем тираж од неговите претходни дела. Во краткиов прозен текст, тој се фокусираше на теми од областа на општеството, религијата, политиката и етиката.

Расказот „Селанецот Мареј“, поконкретно, е дел од нов жанр, наречен *велигденски*, во кој преку уметнички средства Достоевски ја доловува идејата на човековата преобразба и воскресение. Инспирирано од неговите денови во прогонство, напишано е од гледаната точка на изгнаник. Селанецот Мареј овде е претставен како симбол на рускиот народ, религиозен, со нежна, мајчинска насмевка, со раце валкани од работа. Во сликата на селанецот, Достоевски гледа трага од Христос. Според авторот, тоа што го одликува рускиот народ е срамежливата нежност, светлата љубов и богатата насмевка, наспроти безобразните песни и пијаното насилство. Оваа компарација се прави при силниот контраст меѓу Мареј и затворениците. Всушност, крајот на расказот е сосема спротивен од почетокот: за разлика од претходно, кога авторот ги гледа останатите затвореници со одбивен поглед, по сеќавањето за Мареј, тој го завршува своето размислување со сосема друга помисла, гледајќи ги затворениците без трага од омразата што ја чувствувал кон нив.

Со високиот стил на пишување на Достоевски, секој превод на неговите дела претставува предизвик, но таков што вреди да се пресретне. Најголем проблем во преведувачкиот процес на ова дело претставуваа дијалектните зборови, за кои беше потешко да се најдат соодветни еквиваленти. Сепак, задачата беше изводлива и корисна за стекнување повеќе преведувачко искуство, како и за подобро запознавање со творештвото на еден од врвните руски писатели.

СЕЛАНЕЦОТ МАРЕЈ

Но сите овие *professions de fois*, мислам, се многу здодевни за читање, па затоа ќе раскажам една анегдота; всушност, дури и не е анегдота; така, само еден далечен спомен што, од некоја причина, многу сакам да го раскажам баш тука и сега, како заклучок на нашиот трактат за народот. Тогаш имав само девет години... но, не, подобро ќе започнам кога имав дваесет и девет години.

Беше втор ден од светлиот празник. Воздухот беше топол, небото сино, сонцето високо, „топло“, силно, но во душата ми беше многу мрачно. Скитав зад бараките, ги гледав, ги броев, потпрен на цврстата затворска ограда, но ни до броење не ми беше дојдено, иако ми беше навика. Втор ден веќе во затворот „се славеше празник“; затворениците не ги водеа на работа, имаше мноштво пијани, пцовки, тепачки започнуваа цело време на сите страни. Се пееја безобразни, гадни песни, се играа карти кај креветите, неколкумина затвореници, казнети од судот на другарите за насилни испади, веќе претепани до полусмрт и покриени на леглата со палта од овча кожа, додека не оживеат и не си дојдат на себе; извадени ножеви во неколку наврати – сето ова ме изнамачи во двата дена празник. А и никогаш не сум можел да ја поднесам без гадење пијаната народна разузданост, а особено не тука, на ова место. Во тие денови, дури и управниците не гледаа што се случува во затворот, не правеа претреси, не бараа вино, разбирајќи дека треба да ги пуштат на слобода еднаш во годината дури и овие одметници, дека инаку би било полошо. Најпосле, во срцето ми се разгоре гнев. Се запознав со Полјакот М-цки, од политичките; ме погледна мрачно, очите му светнаа и усните му затреперија: „Je hais ces brigands!“ – ми заржи полугласно и помина покрај мене. Јас се вратив во бараката, и покрај тоа што пред четврт час истрчав оттаму како побудален, кога шест крупни мажи сите наеднаш му се нафрлија не еден пијан Татар, Газин, за да го смират, па фатија да го тепаат; го тепаа без никаква смисла, камила би умрела од такви удари; ама знаеја дека е тешко да се убие овој Херкул, па затоа го тепаа без задршка. Сега, кога се вратив, го забележав на крајот од бараката, на кревет во кошот, веќе бесчувствителниот Газин, речиси без знаци на живот; лежеше

покриен со палто од овча кожа и сите го обиколуваа молкома: иако цврсто се надеваа дека изутрината ќе се разбуди, „ама, со такви мавања, ако нема среќа може и да умре човек“. Се пробив до моето место, спроти прозорецот со железна решетка, и легнав на грб, со рацете под глава и со затворени очи. Сакав да лежам така: на тие што спиеја не им се доближуваа, а притоа може да се мечтае и да се размислува. Но јас не мечтаев; срцето ми чукаше неспокојно, а во ушите ми одекнуваа зборовите на М-цки: „Je hais ces brigands!“ Впрочем, зошто да опишувам впечатоци; до ден-денес понекогаш ноќе го сонувам ова време и немам помачни соништа од тие. Можеби некој ќе забележи дека јас до ден-денес речиси никогаш и не пишував за мојот живот на робија; „Записи од мртвиот дом“ ја напишав пред петнаесет години, од измислено лице, од име на злосторник што наводно си ја убил жената. Патем, ќе додадам како детаљ дека оттогаш многумина за мене мислат, па дури и тврдат дека сум бил пратен на робија поради убиство на жена ми.

Малку по малку, наполно се заборавив и без да сетам потонав во спомени. За време на моите четири години робија, постојано се сеќавав на сето мое минато и, ми се чини, во спомените одново го преживеав целиот мој поранешен живот. Спомените се појавуваа сами, ретко ги повикував по своја волја. Ќе започнеш со некаква точка, со некаква цртичка, некогаш незабележлива, и потоа малку по малку ќе израснеш во цела слика, во некаков силен и целосен впечаток. Ги анализирав овие впечатоци, му додадав нови црти на веќе одамна изживеаното и, најважно, го поправав, постојано го поправав, во тоа ми се состоеше целата забава. Овој пат, којзнае зошто, наеднаш се сетив на еден незабележлив миг од моето рано детство, кога имав само девет години – миг што ми се чинеше сосема заборавен; но тогаш особено ми беа драги спомените од најраното детство. Се потсетив на нашето село во месец август: денот е сув и јасен, но некако студен и ветровит; летото си заминува, и наскоро треба да одам во Москва и повторно да се досадувам цела зима на часовите по француски, и толку ми е жал што ќе го напуштам селото. Отидов зад гумното и, спуштајќи се во клисурата, се искачив до Лоск – така ги викавме густите грмушки од другата страна на клисурата, до шумичката. И така, се пикнав подлабоко во грмушките и слушам како недалеку, на триесетина чекори, на една

полјана ора сам селанец. Знам дека ора стрмно угоре по планината и дека коњот едвај оди, а до мене одвреме-навреме долетува неговиот крик: „Ајде, ајде!“ Ги знам речиси сите наши селани, но не знам кој е овој што ора сега, ама и сеедно ми е, јас целиот сум се внел во мојата работа; и јас сум зафатен: си кршам лескова прачка за камшик, да камшикувам жаби со него; камшиците од леска се ептен убави, само се кривки, а брезовите – обратно. Ме интересираат инсекти и бубачки, ги собирам, има некои многу шарени; сакам и мали, брзи, црвено-жолти гуштери, со црни дамки, ама од змии се плашам. Змии, впрочем, се среќаваат многу поретко од гуштери. Печурки има малку тука; за печурки треба да се оди во брезова шума, па се спремам и таму да појдам. И ништо во животот немам така сакано како шумата со печурки и шумски плодови, со бубалки и птици, ежови, верверички, со влажниот мирис на превртени лисја, кој ми беше толку драг. И дури сега, кога го пишувам ова, го почувствувам мирисот на нашата селска брезова шума: впечатоциве остануваат за цел живот. Одеднаш, среде длабоката тишина, јасно и гласно слушнав крик: „Волк!“ Вриснав и, преплашен, пиштејќи на цел глас, истрчав на полјаната, право кај селанецот што ораше.

Беше тоа нашиот селанец Мареј. Не знам дали има такво име, но сите го викаа Мареј – имаше педесетина години, цврст, прилично висок, веќе со баеги бели влакна во густата, темноруса брада. Го знаев, но дотогаш речиси никогаш немав разменето збор со него. Тој ја запре кобилата кога го слушна мојот крик, а кога јас, затрчан, се фатив со една рака за плугот, а со другата за неговиот ракав, виде колку сум исплашен.

– Волк! – викнав задишано.

Тој ја крена главата и безволно погледна наоколу, за миг речиси ми поверува.

– Каде е волкот?

– Викна... Сега викна некој: волк!.. – пропелтечив јас.

– Чекај, чекај, каков волк, ти се слушнало, дете! Каков волк може да има тука! – мрмореше, бодрејќи ме. Но јас целиот се тресев и уште поцврсто се држев за неговата гуна; сигурно бев многу блед. Ме гледаше со беспокojна насмевка, очигледно исплашен и загрижен за мене.

– Види го ти, ми се исплашило, ај-леле! – мавташе со главата. – Доста, мило. А, бре, дете!

Ја подаде раката и одеднаш ме погали по образот.

– Ајде-ајде, доста, Господ да чува, прекрсти се. – Но јас не се крстев; кошињата на усните ми трепереа и, ми се чини, тоа особено го погоди. Тивко си го испружи дебелиот прст со црн нокт, извалкан во земјата, и нежно ми ги допре усните што скокаа нагоре.

– Ај-леле, ај-леле – ми се насмевна со некаква мајчинска и издолжена насмевка – Боже, што ми ти биднало, бре, дете, ништо нема!

Најпосле сфатив дека нема волк и дека извикот што го чув ми се причинил. А сепак беше толку јасен и изразит, но такви извици (не само за волци) веќе еднаш-двапати и порано ми се имаа присторено и знаев за тоа. (Потоа, како што минуваше детството, овие халуцинации поминаа.)

– Добро, тогаш, ќе си одам – реков, прашално и несигурно гледајќи го.

– Оди ми, оди, а јас ќе те гледам оттука, не те давам на волкот! – додаде, и натаму со истата мајчинска насмевка – ајде, Христос да ми те чува, оди – и ме прекрсти со раката, па и самиот се прекрсти. Јас појдов, погледнувајќи назад на речиси секои десет чекори. Мареј, додека одев, си стоеше со кобилата и ме гледаше, секојпат кимајќи ми со главата кога ќе погледнев. Мене, признавам, ми беше малку срам пред него што толку се исплашив, но сè уште одев многу исплашен од волкот, додека не се искачив по падината до првата штала; тука стравот целосно исчезна и одникаде наеднаш скокна накај мене нашето дворско куче Волчок. Со Волчок веќе потполно се охрабрив и за последен пат се свртев кон Мареј; лицето веќе не можев јасно да му до догледам, но почувствував дека уште така ми се смешка и кима со главата. Му мавнав и тој мене ми мавна, па ја потера кобилата.

– Ајде, ајде! – го слушнав повторно неговиот оддалечен вик и кобилата повторно го повлече плугот.

Се сетив на сето ова наеднаш, не знам зошто, но со неверојатна прецизност за деталите. Оdedнаш се разбудив, седнав на креветот и, се сеќавам, на лицето си ја сетив тивката насмевка на споменот. Продолжив да се сеќавам уште некоја минута.

Тој ден, кога се вратив дома од кај Мареј, никому не раскажав за мојата „авантура“. А и каква авантура беше тоа? И на Мареј то-

гаш многу брзо заборавив. Кога некогаш подоцна ќе го сретнев, дури не ни разговарав со него, не само за волкот, туку за било што, и одеднаш сега, дваесет години подоцна, во Сибир, се сетив на целата оваа средба со таква јасност, до последна црта. Значи, ми залегнала во душата незабележливо, сама по себе и без моја волја, и одеднаш се сетив на неа кога беше потребно; се сетив на таа нежна, мајчинска насмевка на бедниот закрепостен селанин, на неговото крстење, на неговото тресење со главата: „Ај-леле, ми се исплашило детето!“ А особено на неговиот дебел прст, извалкан во земјата, со кој тивко и со бојазлива нежност ми ги допре растреперените усни. Секој би охрабрил дете, се разбира, но тука, на оваа осамена средба, се случи нешто сосема друго, па дури и да му бев сопствен син, не ќе можеше да ме погледне со поглед што свети со посветла љубов – а кој го тераше? Беше закрепостен селанец на нашиот имот, а јас му бев стопанче; никој немаше да дознае како ме галеше, и немаше да го награди за тоа. Толку ли многу сакаше мали деца? Има такви. Средбата беше осамена, во пусто поле, само Бог можеби гледаше од горе со какво длабоко и просветлено човечко чувство и со каква суптилна, речиси женствена нежност може да биде наполнето срцето на еден груб, брутално неук, закрепостен руски селанец, кој сè уште не ја чека, не ја ни замислува својата слобода. Кажете ми, зарем не мислеше на ова Константин Аксаков кога зборуваше за високата просветеност на нашиот народ?

И така, кога се симнав од креветот и погледнав наоколу, се сеќавам, наеднаш почувствував дека можам да ги гледам овие несреќници со сосема поинаков поглед и дека одеднаш, по некое чудо, исчезнаа целосно сета омраза и сиот гнев во моето срце. Појдов, загледувајќи се во лицата што ги среќавав. Овој посрамен маж со избричена глава, со белези на лицето, испијанет, кој ја извикува својата пијана, засипната песна, можеби баш тој е истиот Мареј: на крајот на краиштата, не можам да му погледнам во срцето. Истата вечер пак се сретнав со М-цки. Несреќник! Тој навистина не можеше да има спомени за никаков Мареј и никаков друг поглед не можеше да има кон овие луѓе, освен: „Je hais ces brigands!“ Не, тие Полјаци тогаш претрпеа повеќе од нас!

Мужик МАРЕЙ

Но все эти professions de fois я думаю, очень скучно читать, а потому расскажу один анекдот, впрочем, даже и не анекдот; так, одно лишь далекое воспоминание, которое мне почему-то очень хочется рассказать именно здесь и теперь, в заключение нашего трактата о народе. Мне было тогда всего лишь девять лет от роду... но нет, лучше я начну с того, когда мне было двадцать девять лет от роду.

Был второй день светлого праздника. В воздухе было тепло, небо голубое, солнце высокое, «теплое», яркое, но в душе моей было очень мрачно. Я скитался за казармами, смотрел, отсчитывая их, на пали крепкого острожного тына, но и считать мне их не хотелось, хотя было в привычку. Другой уже день по острогу «шел праздник»; каторжных на работу не выводили, пьяных было множество, ругательства, ссоры начинались поминутно во всех углах. Безобразные, гадкие песни, майданы с картежной игрой под нарами, несколько уже избитых до полусмерти каторжных, за особое буйство, собственным судом товарищей и прикрытых на нарах тулупами, пока оживут и очнутя; несколько раз уже обнажавшиеся ножи, — все это, в два дня праздника, до болезни истерзало меня. Да и никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула, а тут, в этом месте, особенно. В эти дни даже начальство в острог не заглядывало, не делало обысков, не искало вина, понимая, что надо же дать погулять, раз в год, даже и этим отверженцам и что иначе было бы хуже. Наконец в сердце моем загорелась злоба. Мне встретился поляк М-цкий, из политических; он мрачно посмотрел на меня, глаза его сверкнули и губы затряслись: «Je hais ces brigands!» — проскрежетал он мне вполголоса и прошел мимо. Я воротился в казарму, несмотря на то, что четверть часа тому выбежал из нее как полоумный, когда шесть человек здоровых мужиков бросились, все разом, на пьяного татарина Газина усмирять его и стали его бить; били они его нелепо, верблюда можно было убить такими побоями; но знали, что этого Геркулеса трудно убить, а потому били без опаски. Теперь, воротясь, я заметил в конце казармы, на нарах в углу, бесчувственного уже Газина почти без признаков жизни; он

лежал прикрытый тулупом, и его все обходили молча: хоть и твердо надеялись, что завтра к утру очнется, «но с таких побоев, не ровен час, пожалуй, что и помрет человек». Я пробрался на свое место, против окна с железной решеткой, и лег навзничь, закинув руки за голову и закрыв глаза. Я любил так лежать: к спящему не пристанут, а меж тем можно мечтать и думать. Но мне не мечталось; сердце билось беспокойно, а в ушах звучали слова М-цкого: «Je hais ces brigands!» Впрочем, что же описывать впечатления; мне и теперь иногда снится это время по ночам, и у меня нет снов мучительнее. Может быть, заметят и то, что до сегодня я почти ни разу не заговаривал печатно о моей жизни в каторге; «Записки же из Мертвого дома» написал, пятнадцать лет назад, от лица вымышленного, от преступника, будто бы убившего свою жену. Кстати прибавлю как подробность, что с тех пор про меня очень многие думают и утверждают даже и теперь, что я сослан был за убийство жены моей.

Мало-помалу я и впрямь забылся и неприметно погрузился в воспоминания. Во все мои четыре года каторги я вспоминал беспрерывно все мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом мало-помалу вырастало в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление. Я анализировал эти впечатления, придавал новые черты уже давно прожитому и, главное, поправлял его, поправлял беспрерывно, в этом состояла вся забава моя. На этот раз мне вдруг припомнилось почему-то одно незаметное мгновение из моего первого детства, когда мне было всего девять лет от роду, — мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любил тогда воспоминания из самого первого моего детства. Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню. Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой рощи. И вот я забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет

мужик. Я знаю, что он пашет круто в гору и лошадь идет трудно, и до меня изредка долетает его окрик: «Ну-ну!» Я почти всех наших мужиков знаю, но не знаю, который это теперь пашет, да мне и все равно, я весь погружен в мое дело, я тоже занят: и выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда против березовых. Занимают меня тоже букашки и жучки, я их собираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных, красно-желтых ящериц, с черными пятнышками, но змеек боюсь. Впрочем, змейки попадаются гораздо реже ящериц. Грибов тут мало; за грибами надо идти в березняк, и я собираюсь отправиться. И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками я птичками, ежиками белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев. И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления эти остаются на всю жизнь. Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: «Волк бежит!» Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика.

Это был наш мужик Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его все звали Мареем, — мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде. Я знал его, но до того никогда почти не случилось мне заговорить с ним. Он даже остановил кобыленку, услышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другою за его рукав, то он разглядел мой испуг.

— Волк бежит! — прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновенье почти мне поверив.

— Где волк?

— Закричал... Кто-то закричал сейчас: «Волк бежит»...- пролепетал я.

— Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть! — бормотал он, ободряя меня. Но я весь трясся еще крепче уцепился за его зипун и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь ведь испужался, ай-ай! — качал он головой. — Полно, родной. Ишь малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

— Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись. — Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый, с черным ногтем, выпачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ.

— Ишь ведь, ай, — улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой, — господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

Я понял наконец, что волка нет и что мне крик: «Волк бежит» — померещился. Крик был, впрочем, такой ясный и отчетливый, но такие крики (не об одних волках) мне уже раз или два и прежде мерещились, и я знал про то. (Потом, с детством, эти галлюцинации прошли.)

— Ну, я пойду, — сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я те вослед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! — прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь, — ну, Христос с тобой, ну ступай, — и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился. Я пошел, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока я шел, все стоял с своей кобыленкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая мне головой, когда я оглядывался. Мне, признаться, было немножко перед ним стыдно, что я так испугался, но шел я, все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогор оврага, до первой риги; тут испуг соскочил совсем, и вдруг откуда ни возьмись бросилась ко мне наша дворовая собака Волчок. С Волчком-то я уж вполне ободрился и обернулся в последний раз к Марей; лица его я уже не мог разглядеть ясно, почувствовал, что он все точно так же мне ласково улыбается и кивает головой. Я махнул ему рукой, он махнул мне тоже и тронул кобыленку.

— Ну-ну! — услышался опять отдаленный окрик его, и кобыленка потянула опять свою соху.

Все это мне разом припомнилось, не знаю почему, но с удивительною точностью в подробностях. Я вдруг очнулся и присел на нарах и, помню, еще застал на лице моем тихую улыбку воспоминания. С минуту еще я продолжал припоминать.

Я тогда, придя домой от Марей, никому не рассказал о моем «приключении». Да и какое это было приключение? Да и об Марее я тогда очень скоро забыл. Встречаясь с ним потом изредка, я никогда даже с ним не заговаривал, не только про волка, да и ни об чем, и вдруг теперь, двадцать лет спустя, в Сибири, припомнил всю эту встречу с такою ясностью, до самой последней черты. Значит, залегла же она в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика, его кресты, его покачиванье головой: «Ишь ведь, испужался, малец!» И особенно этот толстый его, запачканный в земле палец, которым он тихо и с робкою нежностью прикоснулся к вздрагивавшим губам моим. Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлою любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барчонок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то. Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?

И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце. Встретил я в тот же вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марейях и никакого другого взгляда на этих людей, кроме «Je hais ces brigands!» Нет, эти поляки вынесли тогда более нашего!

МОМЧЕ КАЈ ХРИСТОВАТА ЕЛКА

Превод: Ангела Спасовска, Јана Србиновска

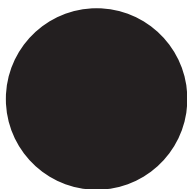

ВОВЕД

Расказот „Момче кај Христовата елка“ (*Мальчик у Христа на ёлке*) Достоевски го започнал на 30 декември 1875 г., а до крајот на јануари 1876 г. расказот бил завршен и објавен заедно со други текстови во јануарскиот број на „Дневникот на писателот“. Инспирацијата за овој расказ Достоевски ја добил шетајќи се во новогодишната ноќ по улиците на Санкт Петербург и гледајќи ги многубројните новогодишни украси, кога сретнал момче што проси. Сите овие новогодишни впечатоци го формирале божиќниот расказ „Момче кај Христовата елка“.

Делото е проткаено со темата на детското страдање во суровиот и безмилосен свет; и покрај тоа што предновогодишната атмосфера и очекувањето на Божиќ придонесува кон подготвеноста на луѓето да им помогнат на сиромашните, замрзнатото момче не наоѓа сочувство кај ниту еден жител на градот. Оваа студена рамнодушност и суровост доведува до несреќен крај. Авторот ни претставува ситуација што би можела да се случи во секој град. Во расказот „Момче кај Христовата елка“, светот го гледаме низ очите на преплашеното дете, неподготвено да се соочи со реалноста на животот.

Преведувајќи го овој расказ, се соочивме со тешкотии во разбирањето и пронаоѓањето на значењето на некои историски обичаи и настани, но голем предизвик беше и да се разберат одредени сложени реченици, па истите да се преведат без да ја загубат својата смисла.

МОМЧЕ КАЈ ХРИСТОВАТА ЕЛКА

Јас сум романсиер и изгледа „приказнава“ ја смислив сам. Пишувам „изгледа“ зашто, иако самиот со сигурност знам дека сум ја смислил, сè ми се чини дека ова некаде и некогаш се има случено, а поточно дека се случило токму пред Божиќ, во некојси огромен град, во страшни мразови.

Ми се чини дека имаше едно момче во еден подрум, уште многу малечко, на околу шест години или дури помало. Момчево се разбуди едно утро во влажниот и студен подрум. Беше облечено во некаква сиромашка наметка и трепереше. Здивот му излегуваше со пареа, а тоа, седнато врз еден сандак в кош, од здодевност намерно си испушташе пареа од устата и се забавуваше гледајќи како одлегува. Но, многу му се јадеше. Неколкупати од изутрината приоѓаше до дрвеното легло, каде што на тенка како палачинка постела и со некакво врзопче под главата, наместо перница, лежеше неговата болна мајка. Како ли се најде овде таа? Веројатно дојде со своето детенце од некој друг град и набрзо се разболе. Два дена претходно, полицијата ја беше затворила газдарицата на подрумот; станарите се разотидоа, беше празник, а бездомникот што остана веќе цел ден лежеше мртов пијан, не дочекувајќи го ни празникот. Во другиот кош од собата, од реума офкаше некоја осумдесетгодишна старичка, која некогаш и некаде имаше живеено како дадилка, а сега умираше сама, офкајќи, негодуваше и го кореше момчето, та нему веќе му беше страв да се приближува до нејзиниот кош. Најде нешто да се напие на тремот, но за каснување нигде ништо не најде, па по десетти пат доаѓаше да ја разбуди мајка си. Најпосле страшно му стана во темницата: одамна падна мрак, а огнот не беше запален. Напипувајќи го лицето на мајка си, се зачуди што таа воопшто не се помрднува и станала студена како камен. „Ептен залади овде“, си помисли, постоја малку, заборавајќи си ја раката врз рамото на покојницата, потоа си дувна во прстите за да ги стопли, па си го дофати качкетчето од леглото и полека, напипувајќи, излезе од подрумот. Ќе појдеше уште порано, но му беше страв од големото куче горе, на скалите, кое завиваше цел ден пред вратата на соседот. Но, кучето веќе го немаше, па момчето излезе на улицата.

Боже, каков град! Никогаш порано немаше видено такво нешто. Таму од каде што беше дојден, навечер беше толку темно, еден фенер ја осветлуваше целата улица. Ниските дрвени куќарки се затвораа со дрвени ќепенци; штом ќе се стемнеше, никого немаше на улица, сите се затвораа по домовите, и само завиваа цели глутници кучиња, стотици и илјадници, завиваа и лаеја цела ноќ. Затоа, пак, таму беше толку топло и му даваа да јаде, а овде – Боже, камо да имаше што да се поткасне! И каква врева и бука има овде, каква светлина и народ, коњи и кочи, и мраз, мраз! Замрзната пареа излегува од папсаните коњи, од топлите задишани муцки, по мекиот снег свонат потковиците што удираат врз камењата, и сите така се туркаат, а мене, Боже, толку ми се јаде, барем корка некаква, и така ме заболела наеднаш прстите од студ. Покрај него помина чударот и сврте поглед, за да не го види момчето.

И ете ја пак улицата – ох, колку е широка! Тука навистина ќе те згмечат: како се развикале сите, се растрчале, се разјуриле, и светла, светла на сите страни! А што е ова? Леле, какво големо стакло, а зад стаклото – соба, а во собата – дрвја до таванот. Ене елка, а на елката – колку многу светленца, колку златни хартивчиња и јаболка, а наоколу – кукли, малечки коњчиња; низ собата – растрчани деца, свечено облечени, чистички, се смеат и играат, и јадат, и пијат нешто. Ене, девојчено почна да танцува со она момче, какво убаво девојче! Еве и музика, низ стаклото се слуша. Гледа момчето, се чуди, дури и се смее, но веќе го болат и прстињата на нозете, а рацете целите му поцрвенеле, не се виткаат и болат ако ги мрдне. И одеднаш се сети дека прстињата толку го болат, заплака и отрчана таму, и еве пак ја гледа собата низ друго стакло, пак има дрвја, а на масите има слатки пити, секакви – бадемови, црвени, жолти, и седат четири богати госпоѓи, и му даваат слатки пити на секој што ќе дојде, а вратата се отвора цело време, и многу господа влегуваат однадвор кај нив. Момчето се прикраде, одеднаш ја отвори вратата и влезе внатре. Леле, како му се развикаа и како се размавтаа по него! Една госпоѓа дојде набрзина и му мушна една паричка в рака, па му ја отвори вратата кон улицата. Колку само се исплаши! А паричката уште пред влезот му се стркала и засвони по скаличките: не можеше да си ги свитка црвените прсти и да ја задржи. Момчето ис-

трча надвор и појде брзо-брзо, но каде – ни самото не знаеше. Пак му се приплака, ама го фати страв, па трчаше, трчаше и си дуваше во рацете. И му стана тешко, бидејќи одеднаш се почувствува толку осамено и уплашено, и тоа така нагло, Господи! Што е, пак, сега ова? Луѓе се собрале во толпа и се чудат: на прозорецот зад стаклото – три кукли, малечки, наоблечени во црвени и зелени фустанчиња, како да се живи! Некој старец седнал и како да свири на голема виолина, двајца други застанале до него и свират на мали виолини, и мавтаат со главите во такт, и се гледаат еден со друг, а усните им се мрдаат, зборуваат, баш како да зборуваат – само што низ стаклото не се слуша. И помисли отпрвин момчето дека се живи, но кога му текна дека се кукли, одеднаш се насмеа. Никогаш немаше видено такви кукли и не знаеше дека има такви! И му се плаче, ама толку му се смешни куклите! Наеднаш му се причини дека одзади некој го грабна за наметката. Едно големо, лошо момче стоеше до него и наеднаш го тресна по главата, му го турна качкетчето и го шутна со ногата. Момчето се стркала наземи, заврескаа по него, а тоа се зашемети, скокна и зеде да трча, и отрча којзнае каде, во некој тунел, во некој туѓ двор – и се скри зад наредените дрва: „Тука нема да ме најдат, темно е.“

Седна и се стутка, а од страв не можеше да го запре здивот и наеднаш, сосема наеднаш, му стана толку убаво: рацете и нозете престанаа да го болат и стана толку топло, толку топло, како врз печка; па до пред малку целиот трепереше; ах, значи заспал! Колку убаво се спие овде: „Ќе си поседам тука, па ќе појдам пак да ги погледам куклите“, си помисли момчето и се насмевна кога се сети на нив – баш како живи беа!...“ И одеднаш му се слушна дека над него мајка му запеа песна. „Мамо, спијам, ах, колку убаво се спие тука!“

– Ајде кај мојата елката, момче – прошепоти над него некој тивок глас.

Помисли дека е мајка му, но не, не беше таа. Кој ли го повика, не можеше да види, но некој се наведна над него и го прегрна во темнината, а тоа му ја подаде раката и... и одеднаш – о, каква светлина! О, каква елка! Дури ни елка не беше тоа, уште немаше видено такви дрвја! Каде ли е сега: сè блеска, сè сјае и наоколу има само кукли – не, не, тоа се сè момчиња и девојчиња, само се некако светли, сите се вртат околу него, летаат, сите го бакнуваат, го земаат,

го носат со себе, а и самото тоа лета и гледа: го гледа мајка му и радосно му се смее.

– Мамо! Мамо! Ах, колку е добро тука, мамо! – ѝ довикува момчето, и повторно се бакнува со децата, па сака да им раскаже за куклите зад стаклото. – Кои сте вие, момчиња? Кои сте вие, девојчиња? – прашува, смеејќи се и сакајќи ги.

– Ова е „Христовата елка“ – му одговараат тие. – Христос секогаш има новогодишна елка на овој ден за малите деца што немаат своја елка... – И сфати дека овие момчиња и девојчиња сите беа исти како него, деца, но некои имаа замрзнато во своите колекции, во кои ги имаа фрлено на скалите пред вратите на петербуршките чиновници, други ги немаа нахрането во сиропиталиштето, трети беа починати на исушените гради на своите мајки, за време на Самарскиот глад, четврти се беа задушиле од смрдеа во вагоните од трета класа – и сите тие сега беа тука, сега сите беа како ангели, сите беа кај Христос; и самиот тој е меѓу нив, па ги подава рацете кон нив и ги благословува нив и нивните грешни мајки... А и мајките на децата сите стојат таму, настрана, и плачат; секоја си го препознава своето момче или девојче, а тие долетуваат до нив и ги бакнуваат, им ги бришат солзите со своите рачиња и ги молат да не плачат, зашто овде им е толку убаво...

А долу, изутрината чуварите го најдоа малото телце на избеганото момче, замрзнато зад огревното дрво; ја најдоа и мајка му... Таа умре пред него, и двајцата се сретнаа кај Господ Бог на небото.

И зошто смислив ваква приказна, која никако не се вклопува во обичен разумен дневник, па уште и писателски? А згора, ветив приказни главно за вистински настани! Но, токму во тоа е поентата, сè ми се чини, ми се присторува дека сето ова можело навистина да се случи, односно – она што се случи во подрумот и зад дрвата, а за она таму, за Христовата елка – не знам што да ви кажам, можело ли да се случи или не? Затоа и сум романсиер, за да измислувам.

МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЁЛКЕ

Но я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне всё мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне Рождества, в *каком-то* огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать. Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала больная мать его. Как она здесь очутилась? Должно быть, приехала с своим мальчиком из чужого города и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты стонала от ревматизма какая-то восьмидесятилетняя старушонка, жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, так что он уже стал бояться подходить к ее углу близко. Напиться-то он где-то достал в сенях, но корочки нигде не нашел и раз в десятый уже подходил разбудить свою маму. Жутко стало ему наконец в темноте: давно уже начался вечер, а огня не зажигали. Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена. «Очень уж здесь холодно», — подумал он, постоял немного, бессознательно забыв свою руку на плече покойницы, потом дохнул на свои пальчики, чтоб согреть их, и вдруг, нашарив на нарах свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошел до подвала. Он еще бы и раньше пошел, да всё боялся вверху, на лестнице, большой собаки, которая выла весь день у соседских дверей. Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу.

Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откудова он приехал, по ночам такой черный мрак, один

фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется — никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь. Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь — Господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их; сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все так толкаются, и, господа, так хочется поест, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика.

Вот и опять улица, — ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут, а свету-то, свету-то! А это что? Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно. Глядит мальчик, дивится, уж и смеется, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить. И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше, и вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие — миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придет, они тому дают пироги, а отворяется дверь поминутно, входит к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел. Ух, как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Как он испугался! А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбежал мальчик и пошел поскорей-поскорей, а куда, сам не знает. Хочется ему опять заплакать, да уж боится, и бежит, бежит и на ручки дует. И тоска берет его, потому что стало ему вдруг так одиноко и жутко, и вдруг, Господи! Да что ж это опять такое? Стоят люди толпой и дивятся:

на окне за стеклом три куклы, маленькие, разодетые в красные и зеленые платица и совсем-совсем как живые! Какой-то старичок сидит и будто бы играет на большой скрипке, два других стоят тут же и играют на маленьких скрипочках, и в такт качают головками, и друг на друга смотрят, и губы у них шевелятся, говорят, совсем говорят, — только вот из-за стекла не слышно. И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, — вдруг рассмеялся. Никогда он не видал таких куколок и не знал, что такие есть! И плакать-то ему хочется, но так смешно-смешно на куколок. Вдруг ему почудилось, что сзади его кто-то схватил за халатик* большой злой мальчик стоял подле и вдруг треснул его по голове, сорвал картуз, а сам снизу поддал ему ножкой. Покатился мальчик наземь, тут закричали, обомлел он, вскочил и бежать-бежать, и вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, — и присел за дровами: «Тут не сыщут, да и темно».

Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страху и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке; вот он весь вздрогнул: ах, да ведь он было заснул! Как хорошо тут заснуть: «Посижу здесь и пойду опять посмотреть на куколок, — подумал мальчик и усмехнулся, вспомнив про них, — совсем как живые!..» И вдруг ему послышалось, что над ним запела его мама песенку. «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!»

— Пойдем ко мне на елку, мальчик, — прошептал над ним вдруг тихий голос.

Он подумал было, что это всё его мама, но нет, не она; кто же это его позвал, он не видит, но кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте, а он протянул ему руку и... и вдруг, — о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: всё блестит, всё сияет и кругом всё куколки, — но нет, это всё мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеется на него радостно.

— Мама! Мама! Ах, как хорошо тут, мама! — кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее

про тех куколок за стеклом. — Кто вы, мальчики? Кто вы, девочки? — спрашивает он, смеясь и любя их.

— Это «Христова елка», — отвечают они ему. — У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки... — И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестнице к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей (во время самарского голода), четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и он сам среди их, и стирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрасивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...

А внизу, наутро, дворники нашли маленький трупик забежавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господа бога в небе.

И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне всё кажется и мерещится, что всё это могло случиться действительно, — то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать.

СОНОТ НА СМЕШНИОТ ЧОВЕК

ПРЕВОД: ФРОСИНА МИЛКОВСКА

ВОВЕД

Расказот „Сонот на смешниот човек“ (*Сон смешного человека*) е дел од доцниот опус на Достоевски. Овој расказ е напишан во 1877 г. и објавен во „Дневникот на писателот“, месечно списание за филозофско и книжевно новинарство, на кое Достоевски му посветил многу енергија во последните години од својот живот, претворајќи го во извештај за впечатоците од најважните феномени од општествениот и политичкиот живот. „Сонот на смешниот човек“ ги содржи во латентна форма речиси сите централни теми на романот „Браќа Карамазови“, кој е круна на доцното творештво на Достоевски. Во оваа смисла, „Сонот на смешниот човек“ може да послужи како основа за толкување на романот.

Достоевски со овој расказ се навраќа кон жанрот на средновековната исповед, која го прикажува грешниот пат на јунакот, кој на крајот доаѓа до вистината. Особеноста на животниот пат на „смешниот човек“ е тоа што тој не е подложен на телесни искушенија, туку на духовни: отфрлањето на верата, скептицизмот и негирањето на значењето на животот го доведува херојот до идејата за самоубиство. Јунакот наоѓа излез од духовната криза благодарение на повисоки сили и станува сведок на идеалната состојба на човештвото што живее во единство со целата Вселена. Приказната содржи елементи на утопија и дистопија. Дистопискиот почеток е претставен во „заведувањето“ на жителите на далечната планета од „смешниот човек“. Блаженството на овие луѓе е манифестација на несвесната, вродена добрина, својствена за природата на нивната личност, но штом јунакот на приказната ги споделува со нив своите мисли, животот им се претвора во копија на овоземното, се исполнува со зло и страдање. Според Достоевски, постигнувањето на идеалот за хармонија преку насилни средства е само човечка заблуда. Според него, само преку слободното и свесно движење на секоја личност кон идеалот на доброто може да се постигне вистинска среќа.

Преведувајќи го овој расказ, се соочив со тешкотии во пренесувањето на карактеристичниот манир на пишување на Достоевски,

спојот на публицистичкиот стил со колоквијалниот, секојдневен јазик. Достоевски во делото се служи со голем број фразеологизми што ги немав сретнато претходно. Толкувањето на нивното значење и последователното создавање соодветен еквивалентен превод за нив беа навистина голем предизвик.

СОНОТ НА СМЕШНИОТ ЧОВЕК

Фантастичен расказ

I

Јас сум смешен човек. Сега ме нарекуваат луд. За мене ќе беше унапредување ако сè уште не им останев смешен како и порано. Но, сега веќе не сум лут, сега сите ми се драги, па дури и кога ми се смеат – тогаш ми се некако особено драги. И јас би се смеел со нив – не баш на себе, туку поради љубовта кон нив – да не чувствував тага гледајќи ги. Тага затоа што тие не ја знаат вистината, а јас ја знам вистината. Ах, колку е тешко да си единствениот што ја знае вистината! Но, тие не би разбрале. Не, нема да разберат.

А, порано многу патев од тоа што изгледав смешно. Всушност, не изгледав, туку бев. Отсекогаш сум бил смешен, и го знаев тоа, можеби и од раѓање. Можеби и од седумгодишна возраст знаев дека сум смешен. Потоа, одев на училиште, па на универзитет, и што – колку повеќе учев, толку повеќе осознавав дека сум смешен. Така, за мене, целата моја универзитетска наука како да постоеше само за на крајот да ми докаже и да ми објасни, како што навлегував подлабоко во неа, дека сум смешен. Како во науката, така и во животот. Секоја година растеше и се зајакнуваше во мене истото сознание за мојот смешен изглед, во секој поглед. Мене сите и секогаш ме исмеваа. Но, не знаеја, никој и не помислуваше дека ако постои човек на земјава што најдобро знае дека сум смешен, тоа бев јас самиот, и токму тоа најмногу ме навредуваше, но тука самиот си бев виновен: секогаш бев толку горд, што никогаш не сакав никому да го признаам тоа. Оваа гордост растеше во мене со години, па да се случеше пред некого да си дозволам да признаам дека сум смешен, тогаш, ми се чини, на лице место, истата вечер, ќе си ја разнесев главата со револвер. Ох, колку страдав како дете од помислата дека нема да издржам и одненадеж ќе им признаам на другарите. Но, откако станав младич, којзнае зошто, станав поспокоен, иако секоја година дознавав сè повеќе и повеќе за моето ужасно својство. Да, којзнае зошто – бидејќи до ден-денес не можам да определам зошто. Можеби затоа што во душата ми нарасна страшна тага поради една околност што беше неизмерно поважна од самиот мене: имено, тоа

беше едно убедување што ме обзеде – дека на светот му е *сеедно*. Го претчувствував ова долго, но целосното убедување се појави последнава година, неочекувано. Одненадеж почувствував дека ми е *сеедно* дали светот постои или ништо никаде не постои. Почнав да чувствувам и сеќавам со сето мое битие дека *во мојот живот нема ништо*. Отпрвин сè ми се чинеше дека порано имало многу, но потоа сфатив дека и порано, исто така, немало ништо, туку само така ми изгледало. Полека се уверив и дека никогаш ништо нема ни да има. Тогаш, одеднаш, престанав да им се лутам на луѓето и дури престанав да ги забележувам. Навистина, ова се покажуваше дури и во најмалите ситници: се случуваше, на пример, да одам по улица и да се судрам со луѓе. И не беше поради замисленост: за што и би размислувал, јас сосема престанав да размислувам – сеедно ми беше. А би сакал да можев да ги решам проблемите; *ох*, ниеден не решив, а колку ги имаше? Но, ми стана *сеедно* и сите проблеми исчезнаа.

И ете, дури по ова, ја спознав вистината. Вистината ја спознав минатиот ноември, поточно на трети ноември, и оттогаш го паметам секој миг. Беше тоа една мрачна, најмрачна вечер што може да биде. Тогаш се враќав дома во единаесет часот навечер и, точно се сеќавам, си помислив дека времето не може да биде помрачно. Дури и во буквална смисла. Цел ден врнеше дожд, некој студен и мрачен дожд, дури и некако застрашувачки, се сеќавам, непријателски настроен кон луѓето, а потоа одеднаш, во единаесет часот, престана и настана страшна мемла, влага и студ, повеќе отколку кога врнеше дожд и од сè се креваше некаква пареа, од секој камен и од секоја уличка, ако внимателно се задлабочеше погледот, и подалеку од улицата. Наеднаш ми се причини дека сè би било попријатно ако насекаде се изгасеше светлото, на светлина срцето е потажно, затоа таа сè осветлува. Речиси и да не јадев ништо тој ден, и од рано вечерта седев кај еден инженер, кај кого седеа уште двајца пријатели. Јас цело време молчев и мислам дека им здодеав. Тие зборуваа на некоја провокативна тема, па во еден миг дури и се разжестија. Но, сеедно им беше, видов, се жестеа само онака. И одеднаш им го реков тоа: „Ама вам, господа“, им вела, „ви е сеедно“. Не се навредија, туку почнаа да ми се смеат. Затоа што тоа го

кажав без никаков прекор и, едноставно, затоа што ми беше сеедно. Видоа дека ми е сеедно и им стана забавно.

Кога надвор си помислив на светлината, погледнав кон небото. Небото беше ужасно темно, но јасно можеше да се видат расфрланите облаци, а меѓу нив бескрајното црнило. Одеднаш, во црнилото забележав ѕвездичка и внимателно се загледав во неа. Затоа што таа ѕвездичка ми роди една мисла: одлучив да се убијам таа ноќ. Си го имав зацртано ова уште пред два месеци, па колку и да бев сиромашен, си купив прекрасен револвер и уште истиот ден го наполнив со куршуми. Поминаа два месеца и тој сè уште лежеше во фиоката; но мене ми беше дотолку сеедно, што посакав на крајот да уловам миг кога нема да ми биде толку сеедно, а зошто така – не знам. И така, во тие два месеца, секоја ноќ, враќајќи се дома, мислев дека ќе се убијам. Постојано го чекав тој миг. А сега, оваа мала ѕвездичка ми роди мисла и одлучив дека тоа *сигурно* ќе се случи таа вечер. А зошто ѕвездичката ми ја роди таа мисла – не знам.

И така, додека гледав во небото, за лактот ме фати едно девојче. Улицата веќе беше празна и немаше речиси никој. Еден колар си спиеше во колата во далечина. Девојчето имаше околу осум години, завиткано во марама и само по фустанче, сета мокро, но особено ми останаа во сеќавање нејзините искинати мокри чевли, дури и сега се присетувам на нив. Тие први ми паднаа в очи. Девојчето одеднаш почна за ме влече за лактот и да ме вика. Не плачеше, туку некако отсечно извикуваше некои зборови што не можеше ни добро да ги изговори, бидејќи целата трепереше од студ. Од некоја причина се тресеше од страв и очајно врескаше: „Мамичке! Мамичке!“ Го свртев лицето кон неа, не реков ни збор и продолжив да одам, но таа трчаше и ме влечеше, а во гласот ѝ одекнуваше оној звук што го покажува очајот кај преплашените деца. Го знам овој звук. Иако таа не ги дорекуваше зборовите, разбрав дека мајка ѝ некаде умира или им се случило нешто, па таа истрчала за да најде некој да ѝ помогне на мајка ѝ. Но, не појдов по неа, напротив, одеднаш ми дојде мислата да ја избркам. Прво ѝ реков да најде полицаец. Но, таа наеднаш ги склопи рачињата и, липајќи, задишана, продолжи да трча покрај мене и не ме оставаше. Тогаш удрив со ногата и ѝ се развикав. Таа само извика: „Господине, господине!...“ – но одеднаш ме остави и

стрмоглаво претрча преку улицата: таму се појави уште некој случаен минувач, па таа, очигледно, се префрли од мене на него.

Си се качив дома на петтиот кат. Живеам под кирија. Собата ми е сиромашна и малечка, со полукружен тавански прозорец. Имам софа тапацирана со мушама, маса со книги на неа, два стола и стара, прастара, но затоа волтеровска фотелја. Седнав, ја запалив свеќата и почнав да размислувам. Во соседната просторија, зад преградата, продолжуваа содомиите. Траеја веќе три дена. Таму живееше пензиониран капетан, а кај него имаше гости – шестмина ништожници, пиеја вотка и играа штос со стари карти. Синоќа се степаа и знам дека двајца долго се кубеа за косите. Газдарицата сакаше да се пожали, но ужасно многу се плаши од капетанот. Покрај нив, кај нас живее и една ниска и слабичка жена, вдовица на полковник, со три мали и болешливи деца. И таа и децата се плашат од капетанот до бесвест и цела ноќ се тресат од страв и се крстат, а најмладото дете добиваше и напади на паника. Капетанов, со сигурност знам, понекогаш ги запира минувачите на Невскиот булевар и проси. Не го примаат на служба. Но – чудна работа (затоа и го раскажувам ова) – овие месец дена, откако капетанот живее со нас, не ми разбуди никаква лутина. Секако, уште од самиот почеток, избегнував да се запознаам со него, а и нему уште веднаш му стана здодевно со мене, но колку и да викаа зад преградата и колку и да ги имаше таму – мене секогаш ми беше сеедно. Си седам по цела ноќ и не ги ни слушам – едноставно ги заборавам. Секоја ноќ не заспивам додека не зазори и така веќе цела година. По цела ноќ седам во фотелјата до масата и ништо не правам. Книги читам само преку ден. Седам, падури и не мислам, мислите ми талкаат, а јас им дозволувам. Свеќата догорува во ноќта.

Седнав тивко до масата, го извадив револверот и го ставив пред себе. Кога го положив на масата, се сеќавам, се прашав: „Така ли?“ и сосема убедено си одговорив: „Така“. Односно, ќе се застрелам. Знаев дека таа вечер сигурно ќе се застрелам, но уште колку ќе преседам на масата – не знаев. И секако ќе се застрелав, да не беше девојчето.

II

Гледате: иако ми беше сеедно, болка, на пример, чувствував. Ако ме удреше некој, ќе почувствував болка. Исто така и во морална смисла: да се случеше нешто мизерно, ќе почувствував сожалување, исто како тогаш кога не ми беше сеедно во животот. Почувствував сожалување и сега: несомнено би му помогнал на едно дете. А зошто не му помогнав на девојчето? Поради една мисла што ми се јави тогаш: додека таа ме влечеше и ме викаше, одеднаш ми се појави прашање што не можев да го одговорам. Прашањето беше бесцелно, но јас се разлутив. А се разлутив поради заклучокот: ако веќе одлучив да се убијам ноќва, тогаш сега сè на светот требаше да ми стане, повеќе од кога и да е, сеедно. Зошто одеднаш почувствував дека не ми е сеедно и дека го сожалувам девојчето? Се сеќавам дека многу ми падна жал; дури почувствував некаква чудна болка, сосема неверојатна за мојата состојба. Навистина, не знам како подобро да го пренесам тоа тогашно мое моментално чувство, но чувството продолжуваше и дома, кога веќе седнав на масата и бев многу вознемирен, како што одамна не сум бил. Мислите надоаѓаа една по друга. Ми беше јасно дека ако сум човек и сè уште не сум нула, и дека сè додека не се претворам во нула – значи, живеам, па, следствено, можам да страдам, да се лутам и да чувствувам срам за своите постапки. Добро, нека е така. Но, ако се убијам, на пример, за два часа, тогаш што ми е грижа и за девојчето, и за срамот, и за сè на светот? Ќе се претворам во нула, во апсолутна нула. И зарем мислата дека веќе *воопшто* нема да постојам, и дека сè останато нема да постои, не можеше да има ни најмало влијание врз чувството на сожалување кон девојчето, ни на срамот што го чувствував по сторената подлост? Затоа и удрив со ногата и му се развикав со застрашувачки тон на несреќното девојче, затоа што „божем, не само што не чувствувам жал, туку и да направам нечовечка подлост, сега можам, бидејќи за два часа сè ќе згасне“. Верувате ли дека баш затоа се развикав? Сега сум убеден во тоа. Ми беше јасно дека животот и светот сега зависат од мене. Може дури да се каже и дека светот сега како да беше создаден само за мене: ќе се застрелам, и светот веќе нема да постои, барем за мене. А да не зборувам за тоа дека можеби и навистина по мене никој нема да

постои, и целиот свет, штом згасне мојата свест, ќе згасне како при-
зрак, само како дел од мојата свест, и дека веднаш ќе престане да
постои, затоа што можеби и целиот овој свет и сите овие луѓе – сум
јас самиот. Се сеќавам дека, седејќи и размислувајќи, си ги вртев
во мислите сите тие нови прашања, кои се натрупуваа едни по дру-
ги, ги обмислував од сосема различна страна и измислував сосема
нови нешта. На пример, одеднаш ми се јави една чудна идеја дека
ако претходно имав живеено на Месечината или на Марс и ако имав
направено некое најсрамно и најнечесно дело што може да се зами-
сли, и кога би бил обесчестен и понжен за тоа како што може да се
почувствува и да се замисли само на сон, во кошмар, и ако тогаш,
би се нашол на Земјата и би продолжил да сум свесен за тоа што
сум го направил на другата планета и, згора на тоа, би знаел дека
никогаш повеќе нема да се вратам таму, тогаш, гледајќи од Земја-
та на Месечината, ќе ми беше ли *сеедно* или не? Ќе почувствував
ли срам за таа постапка или не? Прашањата беа бесцелни и излиш-
ни, затоа што револверот веќе лежеше пред мене и јас со сето свое
битие знаев дека *тоа* сигурно ќе се случи, но тие ме возбудуваа и
јас побеснував. Како да не можев да умрам сега, без претходно да
разрешам нешто. Со еден збор, девојчево ме спаси, бидејќи со пра-
шањата го одложив истрелот. Во меѓувреме, и кај капетанот почна
да стивнува: завршија со картањето и, легнувајќи да спијат, мрмо-
реа и трмаво се караа. Токму тука наеднаш заспав на фотелјата до
масата, што претходно никогаш ми се немаше случено. Заспав без
воопшто да забележам. Соништата, како што е познато, се крајно
чудна работа: еден изгледа застрашувачки јасно, со филигрански
исцртани детали, а друг го прескокнуваш како воопшто и да не го
забележуваш, на пример, низ просторот и времето. Соништата како
воопшто да не ги води разумот, туку желбите, не главата, туку ср-
цето, а сепак – какви лукави нешта изведуваше понекогаш мојот ум
насон! Освен тоа, со него се случуваат и сосема несфатливи нешта
во сонот. Брат ми, на пример, умре пред пет години. Понекогаш го
гледам насон: учествува во моите работи, двајцата сме многу заин-
тересирани, иако јас во текот на целиот сон знам и се сеќавам дека
брат ми е мртов и е погребан. Како, тогаш, не сум изненаден што,
иако е мртов, сè уште е тука покрај мене и се грижи за мене? Зошто

мојот разум воопшто го допушта сето тоа? Но, доста за тоа. Преминувам на сонот. Да, тогаш го сонував тој сон, мојот сон од трети ноември! Ме задеваат сега дека тоа било само сон. Но, зарем не е сеедно дали е сон или не, ако сонот ми ја открил Вистината? Оти ако еднаш си ја дознал вистината и си ја видел, тогаш знаеш дека тоа е вистината и дека друга нема и не може да има, без разлика дали спиеете или живеете. Па, нека е и сон, но овој живот што толку го возвишувате јас сакам да го згаснам со самоубиство, а мојот сон, мојот сон – о, тој ми откри нов, голем, обновен, моќен живот!

Слушајте.

III

Реков дека заспавам незабележливо, па дури и како да продолжив да размислувам за истите прашања. Одеднаш ми се сони дека земам револвер и, седнувајќи, си нишанев право во срцето – во срцето, а не во главата; а претходно имав решено да се застрелам во главата, и тоа во десната слепоочница. Нишанејќи во градите, почekaв секунда или две, и мојата свеќа, масата и сидот пред мене одеднаш се раздвижија и се занишаа. Пукнав набрзина.

Во сон, понекогаш паѓате од височина, или ве сечат или тепаат, но никогаш не чувствувате болка, освен ако вие самите некако не се повредите в кревет, тогаш ќе почувствувате болка и речиси секогаш ќе се разбудите од болката. Така и во мојот сон: не чувствував болка, но ми се чинеше дека со мојот истрел сè во мене се стресе и сè одеднаш згасна и околу мене стана ужасно црно. Како да ослепев и онемев, и ете ме – лежам на нешто тврдо, испружен, не гледам ништо и не можам да направам ни најмало движење. Околу мене се шетаат и викаат, капетанот баботи со својот бас, газдарицата вреска – и одеднаш повторно пауза, и ете – веќе ме носат во затворен ковчег. И чувствувам како ковчегот се ниша, размислувам за тоа и одеднаш ме стаписува идејата дека всушност сум мртов, сосема мртов, го знам ова и не се сомневам, не гледам и не се движам, но чувствувам и размислувам. Но, наскоро се помирувам со тоа и, по обичај, како во сон, ја прифаќам реалноста без приговор.

И сега ме закопуваат в земја. Сите заминуваат, а јас останувам сам, потполно сам. Не се помрднувам. Секогаш кога претходно најави си замислував како ме закопуваат, со гробот си поврзував

само едно чувство на влага и студ. Така и сега, почувствував дека ми е многу ладно, особено на врвовите на прстите од нозете, но не чувствував ништо друго.

Лежев таму и – чудна работа – не очекував ништо, прифаќајќи без противење дека мртвите немаат што да чекаат. Но, беше влажно. Не знам колку време помина – час или неколку дена, или многу денови. Но, одеднаш капка вода што протече низ капакот на ковчегот ми падна врз левото затворено око, а по минута уште една, па трета по уште една минута, и така натаму, и така натаму, на секоја минута. Во срцето одеднаш ми се разгоре длабока огорченост и одеднаш почувствував болка во него: „Еве ми ја раната“, си помислив, „ова е од истрелот, има куршум...“ И капките постојано капееа, минута за минута и право врз моето затворено око. И одеднаш извикав, не наглас, бидејќи бев неподвижен, туку со целото мое битие до владетелот на сето она што ми се случуваше:

„Кој и да си, ако постоиш и ако има нешто поразумно од ова што се случува сега, дозволи да се случи и тука. Ако, пак, ми се одмаздуваш за неразумното самоубиство – со срам и бесмисла на натамошното битисување, тогаш знај дека ниту една мака, што и да ме снајде, никогаш не ќе може да се спореди со презирот што тивко ќе го чувствувам, дури и по милиони години мачеништво!..“

Викнав и замолкнав. Речиси цела минута траеше длабоката тишина и падна уште една капка, но знаев, бескрајно и непоколебливо знаев и верував дека сега нужно ќе се смени сè. И тогаш се отвори гробот. Всушност, не знам дали беше отворен и ископан, но ме зграби некое темно и непознато суштество, и се најдовме во вселената. Оdedнаш прогледав: беше длабока ноќ, и никогаш, никогаш порано немаше таква темнина! Летавме во вселената веќе далеку од Земјата. Не го прашував ништо тој што ме носеше, чекав и бев горд. Се уверував дека не се плашам и премирав од восхит на помислата дека не се плашам. Не се сеќавам колку време летавме и не можам да замислам: сè се случи како и секогаш насон, кога човек прескокнува преку просторот и времето, преку законите на битието и разумот, па застанува само на точките за кои срцето сонува.

Се сеќавам дека одеднаш видов една ѕвезда во мракот. „Сириус ли е ова?“, прашав, одеднаш не можејќи да одолеам, оти не сакав ништо да прашувам. „Не, ова е истата ѕвезда што ја виде меѓу

облаците кога се враќаше дома“, ми одговори суштеството што ме носеше. Знаев дека имаше човечки лик. Чудна работа, не ми се допаѓаше ова суштество, дури и чувствував длабока одбивност. Очекував апсолутно небитие и со тоа на ум си пукав во срцето. И еве ме во рацете на суштеството, кое, се разбира, не е човечко, но е, постои: „Значи, има задгробен живот!“, си помислив со чудната лекомисленост на сонот, но суштината на моето срце остануваше со мене со сите негови длабочини: „И ако треба повторно да сум“, си помислив, „и повторно да живеам по нечија неотповиклива волја, тогаш не сакам да бидам поразен и понижен!“. „Знаеш дека се плашам од тебе и затоа ме презираш“, му реков одеднаш на мојот придружник, не можејќи да се воздржам од понижувачкото прашање во кое се состоеше исповедта, чувствувајќи го моето понижување во срцето како убод од игла. Тој не ми одговори на прашањето, но одеднаш почувствував дека не ме презира и не ми се потсмева, ниту, пак, ме сожалува, и дека нашиот пат има непозната и таинствена цел што ме засега самиот мене. Стравот растеше во моето срце. Мојот тивок придружник ми пренесе нешто немо, но мачно, и тоа како да продираше во мене. Летавме низ темни и непознати пространства. Одамна престанав да ги гледам сосвездијата што му беа познати на окото. Знаев дека постојат такви ѕвезди во небесните пространства, чии зраци стигнуваат до земјата само еднаш во илјадници и милиони години. Можеби и веќе ги прелетавме овие пространства. Очекував нешто во страшната болка што ми го измачуваше срцето. И одеднаш ме стресе едно познато и крајно наметливо чувство: одеднаш го видов нашето сонце! Знаев дека тоа не може да биде *нашето* сонце, од кое се имаше родено *нашата* земја, и дека бевме на бесконечна оддалеченост од нашето сонце, но поради некоја причина, со целото мое битие, знаев дека ова е точно истото сонце како и нашето, негов двојник. Слатко, чувство на призив разбуди восхит во мојата душа: родната сила, на истата светлина што ме имаше родено, одекна во моето срце и го воскресна и јас почувствував живот, стариот живот, за прв пат по смртта.

„Но, ако ова е Сонцето, ако е истото сонце како нашето“, извикав, „тогаш каде е Земјата?“ И мојот придружник покажа кон една мала ѕвезда што сјаеше во темнината со смарагден сјај. Летавме право кон неа.

„И зарем се возможны такви повторувања во вселената, зарем е таков природниот закон?.. И ако тоа таму е Земјата, тогаш дали е навистина истата Земја како нашата... апсолутно иста, несреќна, бедна, но драга и вечно сакана, која, како и нашата, раѓа исто таква маченичка љубов и во своите најнеблагодарни деца, како нашата?..“, извикав, тресејќи се од незадржливата, возбудена љубов кон онаа родна, стара Земја што ја напуштив. Пред мене прелета сликата на бедното девојче што го навредив.

„Ќе видиш сè“, одговори мојот придружник и некаква тага прозвучи во неговите зборови.

Но, брзо се приближувавме до планетата. Таа растеше пред моите очи, веќе можев да ги распознаам океанот, контурите на Европа, и одеднаш во срцето ми се разгоре чудно чувство на некоја голема, света љубомора: „Како може да има такво повторување и зошто? Јас ја сакам, можам да ја сакам само Земјата што ја оставив, на која ми остана млазот од мојата крв, кога јас, неблагодарниот, си го згаснав животот со истрел во срцето. Но, никогаш, никогаш не престанував да ја сакам таа Земја, па дури и таа ноќ, разделувајќи се со неа, можеби ја сакав поболно од кога било. Постои ли болка на новава Земја? На нашата Земја, навистина можеме да сакаме единствено со болка и само преку болка! Не знаеме да сакаме поинаку и не знаеме за ниедна друга љубов. Ја сакам болката за да љубам. Сакам, жеден сум во овој миг да ја бакнувам, да ја облеваам со солзи само онаа Земја што ја оставив, и не сакам, не прифаќам живот на никоја друга!..“

Но, мојот придружник веќе ме напушти. Оdedнаш, без воопшто да забележам, застанав на оваа друга Земја под силната светлина на сончевиот ден, прекрасен како рај. Стоев, ми се чини, на еден од оние острови што го сочинуваат грчкиот архипелаг на нашата Земја или некаде на брегот од копното во непосредна близина на овој архипелаг. О, сè беше докрај исто како кај нас, но се чини дека насекаде бликаше некакво празнување и големо, свето и конечно постигнато торжество. Нежното смарагдно море тивко ги заплиснуваше бреговите и ги бакнуваше со љубов, очигледна, видлива, речиси свесна. Високите, прекрасни дрвја стоеја во сиот свој шарен раскош, а нивните безбројни ливчиња, убеден сум, ме поздравуваа со

тивок, нежен шум и како да изговараа љубовни зборови. Тревата бликаше со своите шарени, миризливи цвеќиња. Птиците летаа во јата во воздухот и, не плашејќи се од мене, ми слетуваа на рамената, на рацете и радосно ме милуваа со нивните мили, треперливи крилја. И, најпосле, ги видов и ги препознав луѓето на оваа среќна Земја. Самите дојдоа кај мене, ме опколија, ме бакнуваа. Деца на Сонцето, деца на нивното Сонце – о, колку беа убави! Никогаш немав видено таква убавина кај човек на нашата Земја. Можеби само кај нашите деца, во најраните години од нивниот живот, може да се најде далечен, иако слаб, одблесок на оваа убавина. Очите на овие среќни луѓе блескаа. Лицата им сјаеја со разумност и со некое сознание што ги исполнуваше со спокојство, но лицата беа весели; детска радост звучеше во зборовите и гласовите на овие луѓе. О, јас веднаш, уште при првиот поглед на нивните лица, разбрав сè, сè! Ова беше Земја неизвалкана од падот на човекот, на неа живееја безгрешни луѓе, живееја во истиот рај во кој што живееле, според преданијата, и нашите грешни предци, со единствената разлика што целата Земја овде беше рај. Радосно смеејќи се, луѓето се собраа околу мене и ме милуваа; ме одведоа кај нив и секој од нив сакаше да ме смири. О, не ме прашуваа за ништо, како да знаеја веќе сè, така ми се чинеше, па сакаа брзо да го отргнат страдањето од моето лице.

IV

Видете, нека беше и само сон! Но, чувството на љубов на овие невини и убави луѓе остана во мене засекогаш и чувствувам дека и сега нивната љубов тече оттаму низ мене. Самиот ги видов, ги запознав и се уверив, ги сакав и страдав за нив подоцна. О, веднаш сфатив, дури и тогаш, дека за многу нешта воопшто не ги разбирам; мене, како модерен руски прогресивец и подол петербуржанец, ми се чинеше несфатливо, на пример, дека тие, знаејќи толку многу, ја немаат нашата наука. Но, наскоро сфатив дека нивното знаење се надополнува со различни сознанија од тие што ги имаме на Земјата и дека нивните стремежи, исто така, беа сосема различни. Тие не посакуваа ништо и беа спокојни, не се трудеа да го спознаат животот на ист начин како што ние се стремиме да го спознаеме, бидејќи

нивниот живот беше совршен. Но, нивното знаење беше подлабоко и повисоко од нашата наука; бидејќи нашата наука се обидува да објасни што е живот, самата се стреми да го разбере, за да ги научи другите да живеат. Тие знаеја да живеат и без наука и јас го сфатив тоа, но не можев да ги разберам нивните знаења. Ми ги покажуваа нивните дрвја и не можев да го разберам степенот на љубов со кој ги гледаа: како да разговараа со суштества слични на себе. И, знае-те, можеби нема да погрешам ако кажам дека зборуваа со нив! Да, го имаа откриено нивниот јазик и убеден сум дека тие ги разбираа. Така ја гледаа и целата природа – животните, кои мирно живеела со нив, не ги напаѓаа и ги сакаа, совладани од нивната љубов. Ми покажуваа кон ѕвездите и зборуваа за нив со мене нешто што не можев да го разберам, но убеден сум дека некако беа во допир со небесните ѕвезди, не само со мисла, туку и на некој жив начин. О, овие луѓе не се ни обидуваа да ме натераат да ги разберам, ме сакаа и без тоа, но знаев дека никогаш нема да ме разберат, па затоа и речиси никогаш не им зборував за нашата Земја. Само ја бакнував Земјата на која живееја и без зборови ги обожував нив самите, а тие го видоа ова и дозволија да бидат обожувани, не срамејќи се што ги обожувам, бидејќи тие самите многу се сакаа. Не ме сожалуваа кога, во солзи, понекогаш им ги бакнував нозете, знаејќи радосно во моето срце со каква силна љубов ќе ми возвратат. Понекогаш се прашував, чудејќи се: како можат, за сето тоа време, да не навредат некого како мене и никогаш да не предизвикаат чувство на љубомора и завист кај некој таков? Многупати се прашував самиот себеси како можам јас, ласкавец и лажго, да не им зборувам за моите знаења, за кои, се разбира, не знаеја, и како не посакував да ги восхитам со тоа, макар и од љубов кон нив? Беа разиграни и весели како деца. Талкаа низ нивните прекрасни шуми и гори, ги пееја нивните прекрасни песни, јадеа лесна храна – плодовите на своите дрвја, медот на своите шуми и млекото на своите сакани животни. За својата храна и облека само малку се трудеа. Се сакаа и раѓаа деца, но јас никогаш не го забележав она *жестоко* сладострастие што ги погодува речиси сите на нашата Земја, секој и секого, и служи како единствен извор на речиси сите гревови на нашата човечност. Се радуваа на децата што им се раѓаа како на нови учесници во нив-

ното блаженство. Меѓу нив немаше кавга или љубомора, па дури и не разбираа што значи тоа. Нивните деца беа деца на сите, бидејќи сите заедно сочинуваа едно семејство. Немаа речиси никаква болест, иако имаше смрт; но старите умираа тивко, како да заспиваа, опкружени со луѓе што се простуваа од нив, ги благословуваа, им се насмевнуваа, па и самите имаа светли насмевки. Тага и солзи не видов во тие мигови, имаше само љубов, која прераснуваше во восхит, но спокоен, исполнет, созерцателен восхит. Можеше да се помисли дека тие сè уште зборуваа со своите мртви и по нивната смрт и дека земската заедница меѓу нив не завршуваше со смртта. Речиси и да не ме разбраа кога ги прашав за вечниот живот, но, очигледно, беа толку убедени во него, што тоа воопшто не беше ни прашање за нив. Немаа храмови, но имаа еден вид насушно, живо и непрекинато единство со Целата Вселена; немаа вера, но затоа знаеја со сигурност дека кога земската радост ќе им порасне до границите на земската природа, тогаш ќе настапи, и за живите и за мртвите, уште подлабока врска со целата Вселена. Го чекаа тој миг со радост, но без да брзаат, без да страдаат за него, туку како веќе да го имаа, како да го претчувствуваа со своето срце, за што и зборуваа едни со други. Навечер, пред спиење, сакаа да се собираат во созвучни и хармонични хорови. Во овие песни, ги пренесуваа сите чувства што им ги донел изминатиот ден, го славеа и се збогуваа со него. Ја славеа природата, земјата, морето, шумите. Сакаа да пишуваат песни едни за други и се фалеа едни други како деца; ова беа наједноставни песни, но излегуваа од срце и продираа во срцата. А и не само во песните, туку, се чинеше, и целиот свој живот го минуваа во меѓусебно восхитување. Тоа беше некаква заљубеност, целосна, сеопшта. Другите нивни песни, свечени и торжествени, речиси и да не ги разбирав. Дури и разбирајќи ги зборовите, никогаш не можев да навлезам во нивното потполно значење. Тоа му остануваше недостапно на мојот ум, но се чинеше дека проникнуваа во моето срце сè повеќе и повеќе. Честопати им велев дека го претчувствував сето ова уште пред долго време, дека помислував на сета оваа радост и слава уште на нашата Земја со плачлив копнеж, кој понекогаш достигнуваше неподнослива тага; дека ги претчувствував сите нив и нивната слава во соништата на моето срце и во мечтите на мојот

ум, дека честопати не можев да погледнам на нашата Земја, на зајдисонцето без солзи... Дека во мојата омраза кон луѓето од нашата Земја секогаш постоеше копнеж: зошто не можам да ги мразам без да ги сакам, зошто не можам да не им проштевам, а во мојата љубов кон нив да има тага, зошто не можам да ги сакам без да ги мразам? Ме слушаа и гледав дека не можат ни да замислат за што зборувам, но не се покајав што им зборував: знаев дека ја разбраа сета сила на мојот копнеж за оние што ги напуштив. Да, кога ме гледаа со својот сладок поглед, полн со љубов, кога чувствував дека со нив моето срце стана исто толку невино и вистинито како и нивните срца, не се каев што не ги разбирам. Чувството на исполнетост на животот ми го земаше здивот и јас молкум се молев за нив.

О, сега сите ми се смеат в очи и ме уверуваат дека дури и насон не може да се видат такви детали за какви што раскажувам сега, дека во сонот сум го видел или сетил само чувството, создадено од моето срце во бунило, а деталите сум ги измислил самиот кога сум се разбудил. И кога им открив дека можеби навистина било така – Боже, како ми се смееја в лице и каква забава им пружив! О, да, се разбира, бев совладан само од чувството во тој сон, и тоа е единственото што се сочува во моето рането, раскрвавено срце: но, затоа, вистинските ликови и облици на мојот сон, односно оние што навистина ги видов во самиот миг на мојот сон, се надополнија со таква хармонија, беа толку восхитувачки и убави и толку вистинити што, по будењето, се разбира, не можев да ги пренесам со нашите слаби зборови, така што мораше да избледат од мојот ум и затоа, можеби навистина несвесно, бев принуден самиот да ги измислувам деталите подоцна и, се разбира, да ги искривам, особено заради мојата страсна желба да ги пренесам побрзо и барем колку-толку. Но, тогаш, како да не верувам дека сето ова се случи? Можеби беше илјадапати подобро, посветло и посреќно одошто ви раскажувам? Нека беше сон, но сето ова не можеше да не постои. И, знаете што, ќе ви кажам една тајна: сето ова, можеби, воопшто не беше сон! Затоа што тука се случи нешто, нешто толку страшно вистинито, што не можеше да се сонува. И нека дури и моето срце го создало сонот, но дали моето срце можеше само да ја роди таа страшна вистина што подоцна ја доживев? Како ли можев сам да

ја измислам или да ја сонувам? Зарем навистина моето плитко срце и мојот каприциозен, ништожен ум можеа да дојдат до такво откровение на вистината! О, проценете сами: криев досега, но сега ќе ја раскажам докрај оваа вистина. Работата е во тоа што јас... ги расипав сите!

V

Да, да, на крајот ги расипав сите! Како можеше да се случи ова – не знам, не се сеќавам јасно. Сонот прелета низ милениумите и во мене остави само чувство на целост. Знаам само дека причината за падот бев јас. Како подла трихина, како чума што заразува цели држави, така и јас ја заразив целата таа претходно среќна, безгрешна Земја. Научија да лажат, ја засакаа лагата и ја спознаа нејзината убавина. О, можеби започна *невино*, со шега, со кокетирање, со љубовни игри, всушност, можеби со еден атом, но овој атом на лагата им навлезе во срцата и им се допадна. Потоа, набргу се роди сладострастието, сладострастието роди љубомора, љубомората – суровост... О, не знам, не се сеќавам, но наскоро, многу наскоро, се проли и првата крв: беа изненадени и ужасени, и почна да се растураат, да се разединуваат. Се појавија сојузи, но веќе едни против други. Започнаа прекори и укури. Го дознаа срамот и го направија срамот доблест. Се роди поимот на честа и секој сојуз крена свое знаме. Почнаа да ги мачат животните, а животните избегаа од нив во шумите и им станаа непријатели. Започна борбата за разделба, за самостојност, за личност, за мое и твое. Почнаа да зборуваат на различни јазици. Ја спознаа тагата и ја засакаа, жеднееја по маки и велеа дека Вистината се постигнува само преку маки. Потоа им се појави науката. Кога станаа злобни, почнаа да зборуваат за братство и за човечност, и ги разбраа овие идеи. Кога станаа престапници, ја измислија правдата и си напишаа цели законици за да ја зачуваат, а за да ги обезбедат закониците поставија гилотина. Едвај се сеќаваа што загубија, дури и не сакаа да веруваат дека некогаш биле невини и среќни. Дури и се смееја на можноста за оваа нивна поранешна среќа и ја нарекоа сон. Не можеа ни да си ја претстават во облик и слика, но – чудна и прекрасна работа – откако ја загубија целата верба во поранешната среќа, нарекувајќи ја бајка, сакаа да

бидат одново невини и среќни, па повторно поткликнаа пред желбата на нивното срце, како деца, желбата ја прогласија за божество, изградија храмови и почнаа да ѝ се молат на сопствената идеја, на сопствената „желба“, истовремено целосно верувајќи во нејзината неприменливост и неостварливост, но ѝ се поклонуваа и ја обожуваа до солзи. А сепак, да можеа само да се вратат во таа невина и среќна состојба што ја загубија, и ако некој одеднаш повторно им го покажеше тоа и ги прашаше дали сакаат да ѝ се вратат – веројатно ќе одбиеја. „Нека сме и измамници, зли и неправедни“, ми велеа, „го знаеме тоа и плачеме за тоа, и самите се мачиме поради тоа, и се измачуваме и казнуваме, можеби и повеќе од тој милосрден Судија што ќе ни суди и чие име не го знаеме. Но, ние имаме наука и преку неа повторно ќе ја најдеме вистината, но овој пат свесно ќе ја прифатиме. Знаењето е над чувството, свеста за животот е над животот. Науката ќе ни даде мудрост, мудроста ќе ни ги открие законите, а разбирањето на законите на среќата е повисоко од среќата“. Ете што зборуваа, а по таквите зборови, секој се возљубуваше себеси повеќе од сите други, а и не можеа поинаку. Секој стана толку пристрасен кон својата личност што се обидувааше, со сите сили, да ја понижи и омаловажи личноста на другите, и си го даваше животот за тоа. Се појави ропство, дури и доброволно ропство: слабите доброволно им се покоруваа на силните, само за да им помогнат да ги угнетуваат уште послабите од себе. Се појавија и праведници, кои доаѓаа кај овие луѓе со солзи и им зборуваа за нивната гордост, за губењето на хармонијата и за тоа дека го изгубиле срамот. Им се исмеваа или ги каменуваа до смрт. Света крв се лееше врз праговите на храмовите. Затоа, пак, почнаа да се појавуваат луѓе што зедоа да смислуваат како повторно да ги обединат сите, така што секој, без да престане да се сака себеси повеќе од кој било друг, нема да им пречи на другите и сите заедно ќе живеат во хармонично општество. Цели војни се кренаа поради оваа идеја. Сите што војуваа, притоа, истовремено цврсто веруваа дека науката, мудроста и чувството за самоодржување конечно ќе го натераат човекот да се обедини во хармонично и разумно општество, па затоа во меѓувреме, за да се забрзаат работите, „мудрите“ се трудеа поскоро да ги истребат „немудрите“ и оние што не ја сфаќаа нивната

идеја, за да не ја попречуваат нејзината победа. Но, чувството за самоодржување почна брзо да ослабува, се појавија горделивци и сладострасници, кои отворено бараа сè или ништо. За да стекнат сè, прибегнуваа кон злодела, а ако не успеваа, прибегнуваа кон самоубиство. Се појавија религии со култ кон небитието и кон самоуништувањето заради вечен мир во ништожноста. Најпосле, овие луѓе се уморија од бесмислена работа, а на лицата им се појавија страдања, па прогласија дека страдањето е убавина, бидејќи само во страдањето постои. Го опеваа страдањето во своите песни. Одев меѓу нив, очајував и плачев за нив, но ги сакав, можеби дури и повеќе од порано, кога немаше страдање на нивните лица и кога беа невини и толку убави. Ја засакав таа Земја што ја осквернија самите дури и повеќе отколку кога беше рај, само затоа што на неа се појави тага. За жал, отсекогаш сум ги сакал тагата и страдањето, но само за себе, за себе, а за нив плачев, сожалувајќи ги. Им подавав раце, обвинувајќи се, пцуејќи се и презирајќи се себеси во очај. Им реков дека јас го направив сето тоа, лично јас, дека јас им донесов разврат, зараза и лаги! Ги молев да ме распнат, ги научив како да прават крст. Не можев, немав сила да се убијам, но сакав да им ги преземам маките, копнеев по маки, копнеев да се пролее мојата крв за овие маки, до последната капка. Но, тие само ми се смееја и на крајот почнаа да ме сметаат за луд. Ме оправдуваа, зборуваа дека го добиле она што самите го сакале, и дека сè што се случуваше морало да биде. На крајот, ми рекоа дека им станувам опасен и дека ќе ме стават во лудница ако не замолчам. Тогаш тагата се вкопа во мојата душа со таква сила што срцето ми се стегна и почувствував дека ќе умрам, и тогаш... ете, тогаш се разбудив.

Веќе беше утро, односно сè уште не беше разденето, но беше околу шест часот. Се разбудив во истата фотелја, свеќата беше догорена, капетанот спиеше и наоколу владееше ретка тишина, несвојствена за нашиот стан. Најпрво скокнав во потполно изненадување; ништо слично ми се немаше случено, дури ни најмалите ситници: никогаш немав заспивано, на пример, во мојата фотелја. Одеднаш, додека стоев и си доаѓав на себе, го здогледав револверот пред мене, подготвен, наполнет – но мигум го оттурнав од себе!

О, сега сакам да живеам, да живеам! Ги кренав рацете и се обротив кон Вечната Вистина; не ѝ се обротив, туку плачев; радост, неизмерна радост ми го обземаше целото битие. Да, живот и – проповед! Решив да проповедам во истиот миг и, се разбира, засекогаш! Одам да проповедам, сакам да проповедам – што? Вистината, бидејќи ја видов, ја видов со свои очи, ја видов целата нејзина слава!

И ете, оттогаш проповедам! Освен тоа, ги сакам сите што ме исмеваат повеќе од кој било друг. Зошто е тоа така – не знам и не можам да објаснам, но нека биде така. Велат дека уште сега грешам, а ако грешам уште сега, што ли ќе биде понатаму? Несомнена вистина е: грешам и, можеби, понатаму ќе биде уште полошо. И, се разбира, ќе погрешам неколкупати додека дознаам како да проповедам, односно со кои зборови и со какви дела, бидејќи е многу тешко тоа да се изведе. На крајот на краиштата, мене сето тоа ми е јасно како ден, но слушајте: кој не греша? А сепак, на крајот на краиштата, сите одат кон истото, сите се стремат кон едно исто, од мудрецот до последниот разбојник, само по различни патишта. Тоа е стара вистина, но еве што е ново: јас и не можам многу да погрешам. Бидејќи ја видов вистината, ја видов и знам дека луѓето можат да бидат убави и среќни без да ја изгубат способноста да живеат на Земјата. Не сакам и не можам да верувам дека злото е нормална состојба на луѓето. Но, сите го исмеваат ова мое верување. Но, како да не верувам кога ја видов Вистината – не ја измислив со умот, туку ја видов, ја видов и нејзината *жива слика* ми ја исполни душата засекогаш. Ја видов во толку потполна целина, што не можам да верувам дека не постои во луѓето. Па, како ќе погрешам? Се разбира, ќе застрамам, дури и неколку пати, па дури и можеби ќе зборувам со туѓи зборови, но не за долго: живата слика за она што го видов секогаш ќе биде со мене и секогаш ќе ме исправа и ќе ме води. О, јас сум бодар и здрав, и одам, одам, па дури и илјада години. Знаете, на почетокот дури сакав и да го сокријам фактот дека јас ги расипав сите, но тоа беше грешка – ете, првата грешка! Но, Вистината ми шепна дека *лажам* и ме чуваше и ме водеше. Но, не знам како да го оживотвориме рајот, бидејќи не знам како да пренесам со зборови. По сонот, ги загубив зборовите. Барем сите главни зборови, најпотребните. Но, ете: ќе одам и ќе зборувам непрестајно, неумор-

но, бидејќи сум видел со свои очи, иако не можам да го прераскажам она што го видов. Но, токму ова е она што потсмевачите не го разбираат: „Си бил во сон, велат тие, во бунило, халуцинација“. Ех! Зарем тоа е мудрост? А толку се гордеат! Сон? Што е тоа сон? Зарем нашиот живот не е сон? Ќе кажам и друго: и никогаш нека не се оствари, и никогаш нека не биде рај (на крајот на краиштата, веќе го знам ова!) – јас и натаму ќе проповедам. А сепак е толку едноставно: за еден ден, за еден час – сè би се решило веднаш! Главното е да ги сакате другите како себеси, ете што е главното, и тоа е сè, апсолутно ништо друго не е потребно: веднаш ќе се реши сè. А сепак ова е само стара вистина, која е повторена и прочитана милијарда пати, но не заживеа! „Свеста за животот е над животот, разбирањето на законите на среќата е повисоко од среќата“ – ете против што треба да се бориме! И ќе се борам. Само сите да посакаат, веднаш сè би се средило.

А тоа малечко девојче го најдов... И ќе одам! Ќе одам!

СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

Фантастический рассказ

I

Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я всё еще не оставался для них таким же смешным, как и прежде. Но теперь уж я не сержусь, теперь они все мне милы, и даже когда они смеются надо мной — и тогда чем-то даже особенно милы. Я бы сам смеялся с ними, — не то что над собой, а их любя, если б мне не было так грустно, на них глядя. Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину. Ох как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут.

А прежде я тосковал очень оттого, что казался смешным. Не казался, а был. Я всегда был смешон, и знаю это, может быть, с самого моего рождения. Может быть, я уже семи лет знал, что я смешон. Потом я учился в школе, потом в университете и что же — чем больше я учился, тем больше я научался тому, что я смешон. Так что для меня вся моя университетская наука как бы для того только и существовала под конец, чтобы доказывать и объяснять мне, по мере того как я в нее углублялся, что я смешон. Подобно как в науке, шло и в жизни. С каждым годом нарастало и укреплялось во мне то же самое сознание о моем смешном виде во всех отношениях. Надо мной смеялись все и всегда. Но не знали они никто и не догадывались о том, что если был человек на земле, больше всех знавший про то, что я смешон, так это был сам я, и вот это-то было для меня всего обиднее, что они этого не знают, но тут я сам был виноват: я всегда был так горд, что ни за что и никогда не хотел никому в этом признаться. Гордость эта росла во мне с годами, и если б случилось так, что я хоть перед кем бы то ни было позволил бы себе признаться, что я смешной, то, мне кажется, я тут же, в тот же вечер, раздробил бы себе голову из револьвера. О, как я страдал в моем отрочестве о том, что я не выдержу и вдруг как-нибудь признаюсь сам товарищам. Но с тех пор как я стал молодым человеком, я хоть и узнавал с каждым годом всё больше и больше о моем ужасном качестве, но почему-то стал немного спокойнее. Именно

почему-то, потому что я и до сих пор не могу определить почему. Может быть, потому что в душе моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже бесконечно выше всего меня: именно — это было постигшее меня одно убеждение в том, что на свете везде *всё равно*. Я очень давно предчувствовал это, но полное убеждение явилось в последний год как-то вдруг. Я вдруг почувствовал, что мне *всё равно* было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было. Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что *ничего при мне не было*. Сначала мне всё казалось, что зато было многое прежде, но потом я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-помалу я убедился, что и никогда ничего не будет. Тогда я вдруг перестал сердиться на людей и почти стал не примечать их. Право, это обнаруживалось даже в самых мелких пустяках: я, например, случалось, иду по улице и натыкаюсь на людей. И не то чтоб от задумчивости: об чем мне было думать, я совсем перестал тогда думать: мне было всё равно. И добро бы я разрешил вопросы; о, ни одного не разрешил, а сколько их было? Но мне стало *всё равно*, и вопросы все удалились.

И вот, после того уж, я узнал истину. Истину я узнал в пошлом ноябре, и именно третьего ноября, и с того времени я каждое мгновение мое помню. Это было в мрачный, самый мрачный вечер, какой только может быть. Я возвращался тогда в одиннадцатом часу вечера домой, и именно, помню, я подумал, что уж не может быть более мрачного времени. Даже в физическом отношении. Дождь лил весь день, и это был самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже грозный дождь, я это помню, с явной враждебностью к людям, а тут вдруг, в одиннадцатом часу, перестал, и началась страшная сырость, сырее и холоднее, чем когда дождь шел, и ото всего шел какой-то пар, от каждого камня на улице и из каждого переулка, если заглянуть в него в самую глубь, подальше, с улицы. Мне вдруг представилось, что если б потух везде газ, то стало бы отраднее, а с газом грустнее сердцу, потому что он всё это освещает. Я в этот день почти не обедал и с раннего вечера просидел у одного инженера, а у него сидели еще двое приятелей. Я всё молчал и, кажется, им надоел. Они говорили об чем-то вызывающем и

вдруг даже разгорячились. Но им было всё равно, я это видел, и они горячились только так. Я им вдруг и высказал это: «Господа, ведь вам, говорю, всё равно». Они не обиделись, а все надо мной засмеялись. Это оттого, что я сказал без всякого упрека, и просто потому, что мне было всё равно. Они и увидели, что мне всё равно, и им стало весело.

Когда я на улице подумал про газ, то взглянул на небо. Небо было ужасно темное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные черные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на нее. Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил в эту ночь убить себя. У меня это было твердо положено еще два месяца назад, и как я ни беден, а купил прекрасный револьвер и в тот же день зарядил его. Но прошло уже два месяца, а он всё лежал в ящике; но мне было до того всё равно, что захотелось наконец улучшить мину-ту, когда будет не так всё равно, для чего так — не знаю. И, таким образом, в эти два месяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думал, что застрелюсь. Я всё ждал минуты. И вот теперь эта звездочка дала мне мысль, и я положил, что это будет *непреренно* уже в эту ночь. А почему звездочка дала мысль — не знаю.

И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за локоть эта девочка. Улица уже была пуста, и никого почти не было. Вдали спал на дрожках извозчик. Девочка была лет восьми, в платочке и в одном платьишке, вся мокрая, но я запомнил особенно ее мокрые разорванные башмаки и теперь помню. Они мне особенно мелькнули в глаза. Она вдруг стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но как-то отрывисто выкрикивала какие-то слова, которые не могла хорошо выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью в ознобе. Она была отчего-то в ужасе и кричала отчаянно: «Мамочка! Мамочка!» Я обернул было к ней лицо, но не сказал ни слова и продолжал идти, но она бежала и дергала меня, и в голосе ее прозвучал тот звук, который у очень испуганных детей означает отчаяние. Я знаю этот звук. Хоть она и не договаривала слова, но я понял, что ее мать где-то помирает, или что-то там с ними случилось, и она выбежала позвать кого-то, найти что-то чтоб помочь маме. Но я не пошел за ней, и, напротив, у меня явилась вдруг мысль прогнать ее.

Я сначала ей сказал, чтоб она отыскала городского. Но она вдруг сложила ручки и, всхлипывая, задыхаясь, всё бежала сбоку и не покидала меня. Вот тогда-то я топнул на нее и крикнул. Она прокричала лишь: «Барин, барин!..» — но вдруг бросила меня и стремглав перебежала улицу: там показался тоже какой-то прохожий, и она, видно, бросилась от меня к нему.

Я поднялся в мой пятый этаж. Я живу от хозяев, и у нас номера. Комната у меня бедная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диван, стол, на котором книги, два стула и покойное кресло, старое-престарое, но зато вольтеровское. Я сел, зажег свечку и стал думать. Рядом, в другой комнате, за перегородкой, продолжался содом. Он шел у них еще с третьего дня. Там жил отставной капитан, а у него были гости — человек шесть стрюцких, пили водку и играли в штос старыми картами. В прошлую ночь была драка, и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы. Хозяйка хотела жаловаться, но она боится капитана ужасно. Прочих жильцов у нас в номерах всего одна маленькая ростом и худенькая дама, из полковых, приезжая, с тремя маленькими и заболевшими уже у нас в номерах детьми. И она и дети боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся, а с самым маленьким ребенком был от страха какой-то припадок. Этот капитан, я наверно знаю, останавливает иной раз прохожих на Невском и просит на бедность. На службу его не принимают, но, странное дело (я ведь к тому и рассказываю это), капитан во весь месяц, с тех пор как живет у нас, не возбудил во мне никакой досады. От знакомства я, конечно, уклонился с самого начала, да ему и самому скучно со мной стало с первого же разу, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы их там ни было, — мне всегда всё равно. Я сижу всю ночь и, право, их не слышу, — до того о них забываю. Я ведь каждую ночь не сплю до самого рассвета и вот уже этак год. Я просиживаю всю ночь у стола в креслах и ничего не делаю. Книги читаю я только днем. Сижу и даже не думаю, а так, какие-то мысли бродят, а я их пускаю на волю. Свечка сгорает в ночь вся. Я сел у стола тихо, вынул револьвер и положил перед собою. Когда я его положил, то, помню, спросил себя: «Так ли?», и совершенно утвердительно ответил себе: «Так». То есть застрелюсь. Я знал, что уж в

эту ночь застрелюсь наверно, но сколько еще просижу до тех пор за столом, — этого не знал. И уж конечно бы застрелился, если б не та девочка.

II

Видите ли: хоть мне и было всё равно, но ведь боль-то я, например, чувствовал. Ударь меня кто, и я бы почувствовал боль. Так точно и в нравственном отношении: случись что-нибудь очень жалкое, то почувствовал бы жалость, так же как и тогда, когда мне было еще в жизни не всё равно. Я и почувствовал жалость давеча: уж ребенку-то я бы непременно помог. Почему ж я не помог девочке? А из одной явившейся тогда идеи: когда она дергала и звала меня, то вдруг возник тогда передо мной вопрос, и я не мог разрешить его. Вопрос был праздный, но я рассердился. Рассердился вследствие того вывода, что если я уже решил, что в нынешнюю ночь с собой покончу, то, стало быть, мне всё на свете должно было стать теперь, более чем когда-нибудь, всё равно. Отчего же я вдруг почувствовал, что мне не всё равно и я жалею девочку? Я помню, что я ее очень пожалел; до какой-то даже странной боли и совсем даже невероятной в моем положении. Право, я не умею лучше передать этого тогдашнего моего мимолетного ощущения, но ощущение продолжалось и дома, когда уже я засел за столом, и я очень был раздражен, как давно уже не был. Рассуждение текло за рассуждением. Представлялось ясным, что если я человек, и еще не нуль, и пока не обратился в нуль, то живу, а следственно, могу страдать, сердиться и ощущать стыд за свои поступки. Пусть. Но ведь если я убью себя, например, через два часа, то что мне девочка и какое мне тогда дело и до стыда, и до всего на свете? Я обращаюсь в нуль, в нуль абсолютный. И неужели сознание о том, что я сейчас *совершенно* не буду существовать, а стало быть, и ничто не будет существовать, не могло иметь ни малейшего влияния ни на чувство жалости к девочке, ни на чувство стыда после сделанной подлости? Ведь я потому-то и затопал и закричал диким голосом на несчастного ребенка, что, «дескать, не только вот не чувствую жалости, но если и бесчеловечную подлость сделаю, то теперь могу, потому что через два часа всё угаснет». Верите ли, что потому закричал? Я теперь почти

убежден в этом. Ясным представлялось, что жизнь и мир теперь как бы от меня зависят. Можно сказать даже так, что мир теперь как бы для меня одного и сделан: застрелюсь я, и мира не будет, по крайней мере для меня. Не говоря уже о том, что, может быть, и действительно ни для кого ничего не будет после меня, и весь мир, только лишь угаснет мое сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания, и упразднится, ибо, может быть, весь этот мир и все эти люди — я-то сам один и есть. Помню, что, сидя и рассуждая, я обертывал все эти новые вопросы, теснившиеся один за другим, совсем даже в другую сторону и выдумывал совсем уж новое. Например, мне вдруг представилось одно странное соображение, что если б я жил прежде на луне или на Марсе и сделал бы там какой-нибудь самый срамный и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре, и если б, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с земли на луну, — было бы мне *всё равно* или нет? Ощущал ли бы я за тот поступок стыд или нет? Вопросы были праздные и лишние, так как револьвер лежал уже передо мною, и я всем существом моим знал, что *это* будет на-верно, но они горячили меня, и я бесился. Я как бы уже не мог умереть теперь, чего-то не разрешив предварительно. Одним словом, эта девочка спасла меня, потому что я вопросами отдалил выстрел. У капитана же между тем стало тоже всё утихать: они кончили в карты, устраивались спать, а пока ворчали и лениво доругивались. Вот тут-то я вдруг и заснул, чего никогда со мной не случалось прежде, за столом и в креслах. Я заснул совершенно мне неприметно. Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающею ясностью, с ювелирски-мелочною отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, стремит не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне! Между тем с ним происходят во сне вещи совсем непостижимые. Мой брат,

например, умер пять лет назад. Я иногда его вижу во сне: он принимает участие в моих делах, мы очень заинтересованы, а между тем я ведь вполне, во всё продолжение сна, знаю и помню, что брат мой помер и схоронен. Как же я не дивлюсь тому, что он хоть и мертвый, а все-таки тут подле меня и со мной хлопочет? Почему разум мой совершенно допускает всё это? Но довольно. Приступаю к сну моему. Да, мне приснился тогда этот сон, мой сон третьего ноября! Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не всё равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете. Ну и пусть сон, и пусть, но эту жизнь, которую вы так превозносите, я хотел погасить самоубийством, а сон мой, сон мой, — о, он возвестил мне новую, великую, обновленную, сильную жизнь!

Слушайте.

III

Я сказал, что заснул незаметно и даже как бы продолжая рассуждать о тех же материях. Вдруг приснилось мне, что я беру револьвер и, сидя, наставляю его прямо в сердце — в сердце, а не в голову; я же положил прежде непременно застрелиться в голову и именно в правый висок. Наставив в грудь, я подождал секунду или две, и свечка моя, стол и стена передо мною вдруг задвигались и заколыхались. Я поскорее выстрелил.

Во сне вы падаете иногда с высоты, или режут вас, или бьют, но вы никогда не чувствуете боли, кроме разве если сами как-нибудь действительно ушибетесь в кровати, тут вы почувствуете боль и всегда почти от боли проснетесь. Так и во сне моем: боли я не почувствовал, но мне представилось, что с выстрелом моим всё во мне сотряслось и всё вдруг потухло, и стало кругом меня ужасно черно. Я как будто ослеп и онемел, и вот я лежу на чем-то твердом, протянутый, навзничь, ничего не вижу и не могу сделать ни малейшего движения. Кругом ходят и кричат, басит капитан, визжит хозяйка, — и вдруг опять перерыв, и вот уже меня несут в закрытом гробе. И я чувствую, как колыхается гроб, и рассуждаю об этом, и вдруг меня в первый раз поражает идея, что ведь я умер, совсем умер, знаю это и не сомневаюсь, не вижу и не движусь, а между тем

чувствую и рассуждаю. Но я скоро мирюсь с этим и, по обыкновению, как во сне, принимаю действительность без спору.

И вот меня зарывают в землю. Все уходят, я один, совершенно один. Я не движусь. Всегда, когда я прежде наяву представлял себе, как меня похоронят в могиле, то собственно с могилкой соединял лишь одно ощущение сырости и холода. Так и теперь я почувствовал, что мне очень холодно, особенно концам пальцев на ногах, но больше ничего не почувствовал.

Я лежал и, странно, — ничего не ждал, без спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени, — час или несколько дней, или много дней. Но вот вдруг на левый закрытый глаз мой упала просочившаяся через крышу гроба капля воды, за ней через минуту другая, затем через минуту третья, и так далее, и так далее, всё через минуту. Глубокое негодование загорелось вдруг в сердце моем, и вдруг я почувствовал в нем физическую боль: «Это рана моя, — подумал я, — это выстрел, там пуля...» А капля всё капала, каждую минуту и прямо на закрытый мой глаз. И я вдруг воззвал, не голосом, ибо был недвижим, но всем существом моим к властителю всего того, что совершалось со мною:

— Кто бы ты ни был, но если ты есть и если существует что-нибудь разумнее того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здесь. Если же ты мстишь мне за неразумное самоубийство мое — безобразием и нелепостью дальнейшего бытия, то знай, что никогда и никакому мучению, какое бы ни постигло меня, не сравниться с тем презрением, которое я буду молча ощущать, хотя бы в продолжение миллионов лет мученичества!..

Я воззвал и смолк. Целую почти минуту продолжалось глубокое молчание, и даже еще одна капля упала, но я знал, я беспредельно и нерушимо знал и верил, что непременно сейчас всё изменится. И вот вдруг разверзлась могила моя. То есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я был взят каким-то темным и неизвестным мне существом, и мы очутились в пространстве. Я вдруг прозрел: была глубокая ночь, и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись в пространстве уже далеко от земли. Я не спрашивал того, который нес меня, ни о чем, я ждал и был горд. Я уверял себя, что не боюсь, и замирал от восхищения при

мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись, и не могу представить: совершалось всё так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка и останавливаешься лишь на точках, о которых грезит сердце. Я помню, что вдруг увидел в темноте одну звездочку. «Это Сириус?» — спросил я, вдруг не удержавшись, ибо я не хотел ни о чем спрашивать. — «Нет, это та самая звезда, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой», — отвечало мне существо, уносившее меня. Я знал, что оно имело как бы лик человеческий. Странное дело, я не любил это существо, даже чувствовал глубокое отвращение. Я ждал совершенного небытия и с тем выстрелил себе в сердце. И вот я в руках существа, конечно, не человеческого, но которое *есть*, существует: «А стало быть, есть и за гробом жизнь!» — подумал я с странным легкомыслием сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубине: «И если надо *быть* снова, — подумал я, — и жить опять по чьей-то неустранимой воле, то не хочу, чтоб меня победили и унизили!» — «Ты знаешь, что я боюсь тебя, и за то презираешь меня», — сказал я вдруг моему спутнику, не удержавшись от унижительного вопроса, в котором заключалось признание, и ощутив, как укол булавки, в сердце моем унижение мое. Он не ответил на вопрос мой, но я вдруг почувствовал, что меня не презирают, и надо мной не смеются, и даже не сожалеют меня, и что путь наш имеет цель, неизвестную и таинственную и касающуюся одного меня. Страх нарастал в моем сердце. Что-то немо, но с мучением сообщалось мне от моего молчащего спутника и как бы пронизало меня. Мы неслись в темных и неведомых пространствах. Я давно уже перестал видеть знакомые глазу созвездия. Я знал, что есть такие звезды в небесных пространствах, от которых лучи доходят на землю лишь в тысячи и миллионы лет. Может быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждал чего-то в страшной, измучившей мое сердце тоске. И вдруг какое-то знакомое и в высшей степени зовущее чувство сотрясло меня: я увидел вдруг наше солнце! Я знал, что это не могло быть *наше* солнце, породившее *нашу* землю, и что мы от нашего солнца на бесконечном расстоянии, но я узнал почему-то, всем существом моим, что это совершенно такое же солнце, как и наше, повторение его и двойник его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгом в душе моей: родная сила,

света, того же, который родил меня, отозвалась в моем сердце и воскресила его, и я ощутил жизнь, прежнюю жизнь, в первый раз после моей могилы.

— Но если это — солнце, если это совершенно такое же солнце, как наше, — вскричал я, — то где же земля? — И мой спутник указал мне на звездочку, сверкавшую в темноте изумрудным блеском. Мы неслись прямо к ней.

— И неужели возможны такие повторения во вселенной, неужели таков природный закон?.. И если это там земля, то неужели она такая же земля, как и наша... совершенно такая же, несчастная, бедная, но дорогая и вечно любимая и такую же мучительную любовь рождающая к себе в самых неблагодарных даже детях своих, как и наша?.. — вскрикивал я, сотрясаясь от неудержимой, восторженной любви к той родной прежней земле, которую я покинул. Образ бедной девочки, которую я обидел, промелькнул передо мною.

— Увидишь всё, — ответил мой спутник, и какая-то печаль слышалась в его слове.

Но мы быстро приближались к планете. Она росла в глазах моих, я уже различал океан, очертания Европы, и вдруг странное чувство какой-то великой, святой ревности возгорелось в сердце моем: «Как может быть подобное повторение и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставил, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрелом в сердце мое погасил мою жизнь. Но никогда, никогда не переставал я любить ту землю, и даже в ту ночь, расставаясь с ней, я, может быть, любил ее мучительнее, чем когда-либо. Есть ли мучение на этой новой земле? На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви. Я хочу мучения, чтоб любить. Я хочу, я жажду в сию минуту целовать, обливаться слезами, лишь одну ту землю, которую я оставил, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!..»

Но спутник мой уже оставил меня. Я вдруг, совсем как бы для меня незаметно, стал на этой другой земле в ярком свете солнечного, прелестного как рай дня. Я стоял, кажется, на одном из тех островов, которые составляют на нашей земле Греческий архипелаг, или где-нибудь на побережье материка, прилегающего к этому архипелагу. О, всё было точно так же, как у нас, но, казалось, всю-

ду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокие, прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как бы выговаривали какие-то слова любви. Мурава горела яркими ароматными цветами. Птички стадами перелетали в воздухе и, не боясь меня, садились мне на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И наконец, я увидел и узнал людей счастливой земли этой. Они пришли ко мне сами, они окружили меня, целовали меня. Дети солнца, дети своего солнца, — о, как они были прекрасны! Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблеск красоты этой. Глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость. О, я тотчас же, при первом взгляде на их лица, понял всё, всё! Это была земля, не оскверненная грехопадением, на ней жили люди не согрешившие, жили в таком же раю, в каком жили, по преданиям всего человечества, и наши согрешившие прародители, с тою только разницею, что вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем. Эти люди, радостно смеясь, теснились ко мне и ласкали меня; они увели меня к себе, и всякому из них хотелось успокоить меня. О, они не спрашивали меня ни о чем, но как бы всё уже знали, так мне казалось, и им хотелось согнать поскорее страдание с лица моего.

IV

Видите ли что, опять-таки: ну, пусть это был только сон! Но ощущение любви этих невинных и прекрасных людей осталось во мне навеки, и я чувствую, что их любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видел их сам, их познал и убедился, я любил их, страдал за них потом. О, я тотчас же понял, даже тогда, что во многом не пойму их вовсе; мне, как современному русскому прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрешимым то, например, что

они, зная столь много, не имеют нашей науки. Но я скоро понял, что знание их восполнялось и питалось иными проникновениями, чем у нас на земле, и что стремления их были тоже совсем иные. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать ее, потому что жизнь их была восполнена. Но знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится познать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но я не мог понять их знания. Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их же любовью. Они указывали мне на звезды и говорили о них со мною о чем-то, чего я не мог понять, но я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем. О, эти люди и не добивались, чтоб я понимал их, они любили меня и без того, но зато я знал, что и они никогда не поймут меня, а потому почти и не говорил им о нашей земле. Я лишь целовал при них ту землю, на которой они жили, и без слов обожал их самих, и они видели это и давали себя обожать, не стыдясь, что я их обожаю, потому что много любили сами. Они не страдали за меня, когда я, в слезах, порою целовал их ноги, радостно зная в сердце своем, какою силой любви они мне ответят. Порою я спрашивал себя в удивлении: как могли они, всё время, не оскорбить такого как я и ни разу не возбудить в таком как я чувство ревности и зависти? Много раз я спрашивал себя, как мог я, хвастун и лжец, не говорить им о моих познаниях, о которых, конечно, они не имели понятия, не желать удивить их ими, или хотя бы только из любви к ним? Они были резвы и веселы как дети. Они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они пели свои прекрасные песни, они питались легкою пищею, плодами своих деревьев, медом лесов своих и молоком их любивших животных. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У них была любовь и рождались дети, но никогда

я не замечал в них порывов того *жесточкого* сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества. Они радовались являвшимся у них детям как новым участникам в их блаженстве. Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит. Их дети были детьми всех, потому что все составляли одну семью. У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. Скорби, слез при этом я не видал, а была лишь умножившаяся как бы до восторга любовь, но до восторга спокойного, восполнившегося, созерцательного. Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертью. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса. У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью, но не торопясь, не страдая по нем, а как бы уже имея его в предчувствиях сердца своего, о которых они сообщали друг другу. По вечерам, отходя ко сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. В этих песнях они передавали все ощущения, которые доставил им отходящий день, славил его и прощались с ним. Они славил природу, землю, море, леса. Они любили слагать песни друг о друге и хвалили друг друга как дети; это были самые простые песни, но они выливались из сердца и пронизали сердца. Да и не в песнях одних, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая. Иных же их песен, торжественных и восторженных, я почти не понимал вовсе. Понимая слова, я никогда не мог проникнуть во всё их значение. Оно оставалось как бы недоступно моему уму, зато сердце мое как

бы проникалось им безотчетно и всё более и более. Я часто говорил им, что я всё это давно уже прежде предчувствовал, что вся эта радость и слава сказывалась мне еще на нашей земле зовущую тоскою, доходившею подчас до нестерпимой скорби; что я предчувствовал всех их и славу их в снах моего сердца и в мечтах ума моего, что я часто не мог смотреть, на земле нашей, на заходящее солнце без слез... Что в ненависти моей к людям нашей земли заключалась всегда тоска: зачем я не могу ненавидеть их, не любя их, зачем не могу не прощать их, а в любви моей к ним тоска: зачем не могу любить их, не ненавидя их? Они слушали меня, и я видел, что они не могли представить себе то, что я говорю, но я не жалел, что им говорил о том: я знал, что они понимают всю силу тоски моей о тех, кого я покинул. Да, когда они глядели на меня своим милым проникнутым любовью взглядом, когда я чувствовал, что при них и мое сердце становилось столь же невинным и правдивым, как и их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их. От ощущения полноты жизни мне захватывало дух, и я молча молился на них.

О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что и во сне нельзя видеть такие подробности, какие я передаю теперь, что во сне моем я видел или прочувствовал лишь одно ощущение, порожденное моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил проснувшись. И когда я открыл им, что, может быть, в самом деле так было, — боже, какой смех они подняли мне в глаза и какое я им доставил веселье! О да, конечно, я был побежден лишь одним ощущением того сна, и оно только одно уцелело в до крови раненном сердце моем: но зато действительные образы и формы сна моего, то есть те, которые я в самом деле видел в самый час моего сновидения, были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не в силах был воплотить их в слабые слова наши, так что они должны были как бы ступать в уме моем, а стало быть, и действительно, может быть, я сам, бессознательно, принужден был сочинить потом подробности и, уж конечно, сказав их, особенно при таком страстном желании моем поскорее и хоть сколько-нибудь их передать. Но зато как же мне не верить, что всё это было? Было, может быть, в тысячу раз лучше, светлее и радостнее, чем я рассказываю? Пусть это сон, но всё это не могло

не быть. Знаете ли, я скажу вам секрет: всё это, быть может, было вовсе не сон! Ибо тут случилось нечто такое, нечто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во сне. Пусть сон мой породило сердце мое, но разве одно сердце мое в силах было породить ту ужасную правду, которая потом случилась со мной? Как бы мог я ее один выдумать или пригрезить сердцем? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный ум мой могли возвыситься до такого откровения правды! О, судите сами: я до сих пор скрывал, но теперь доскажу и эту правду. Дело в том, что я... развратил их всех!

V

Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться — не знаю, не помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиною грехопадения был я. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собою всю эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось *невинно*, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им. Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже друг против друга. Начались укоруы, упреки. Они узнали стыд и стыд возвели в добродетель. Родилось понятие о чести, и в каждом союзе поднялось свое знамя. Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разных языках. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением. Тогда у них явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтоб сохранить ее, а для обеспечения кодексов поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили

о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себе в формах и образах, но, странное и чудесное дело: утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав его сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, настроили храмов и стали молиться своей же идее, своему же «желанию», в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И однако, если б только могло так случиться, чтоб они возвратились в то невинное и счастливое состояние, которое они утратили, и если б кто вдруг им показал его вновь и спросил их: хотят ли они возвратиться к нему? — то они наверно бы отказались. Они отвечали мне: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаем это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердый Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через нее мы отыщем вновь истину, но примем ее уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья — выше счастья». Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить ее в других, и в том жизнь свою полагал. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогали им давить еще слабейших, чем они сами. Явились праведники, которые приходили к этим людям со слезами и говорили им об их гордости, о потере меры и гармонии, об утрате ими стыда. Над ними смеялись или побивали их камнями. Святая кровь лилась на порогах храмов. Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость

и чувство самосохранения заставят наконец человека соединиться в согласное и разумное общество, а потому пока, для ускорения дела, «премудрые» старались поскорее истребить всех «непремудрых» и не понимающих их идею, чтоб они не мешали торжеству ее. Но чувство самосохранения стало быстро ослабевать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего иль ничего. Для приобретения всего прибегалось к злодейству, а если оно не удавалось — к самоубийству. Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве. Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдание в песнях своих. Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, но любил их, может быть, еще больше, чем прежде, когда на лицах их еще не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил их оскверненную ими землю еще больше, чем когда она была раем, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, я всегда любил горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а об них я плакал, жалея их. Я простирал к ним руки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что всё это сделал я, я один, что это я им принес разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтоб в этих муках пролита была моя кровь до капли. Но они лишь смеялись надо мной и стали меня считать под конец за юродивого. Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что всё то, что есть теперь, не могло не быть. Наконец, они объявили мне, что я становлюсь им опасен и что они посадят меня в сумасшедший дом, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце мое стеснилось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся.

Было уже утро, то есть еще не рассвело, но было около шестого часу. Я очнулся в тех же креслах, свечка моя догорела вся, у капитана спали, и кругом была редкая в нашей квартире тишина. Первым делом я вскочил в чрезвычайном удивлении; никогда со мной не случалось ничего подобного, даже до пустяков и мелочей: никогда

еще не засыпал я, например, так в моих креслах. Тут вдруг, пока я стоял и приходил в себя, — вдруг мелькнул передо мной мой револьвер, готовый, заряженный, — но я в один миг оттолкнул его от себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднял руки и воззвал к вечной истине; не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг поднимал всё существо мое. Да, жизнь, и — проповедь! О проповеди я порешил в ту же минуту и, уж конечно, на всю жизнь! Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, — что? Истину, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу!

И вот с тех пор я и проповедую! Кроме того — люблю всех, которые надо мной смеются, больше всех остальных. Почему это так — не знаю и не могу объяснить, но пусть так и будет. Они говорят, что я уж и теперь сбиваюсь, то есть коль уж и теперь сбился так, что ж дальше-то будет? Правда истинная: я сбиваюсь, и, может быть, дальше пойдет еще хуже. И, уж конечно, собьюсь несколько раз, пока отыщу, как проповедовать, то есть какими словами и какими делами, потому что это очень трудно исполнить. Я ведь и теперь всё это как день вижу, но послушайте: кто же не сбивается! А между тем ведь все идут к одному и тому же, по крайней мере все стремятся к одному и тому же, от мудреца до последнего разбойника, только разными дорогами. Старая это истина, но вот что тут новое: я и сбиться-то очень не могу. Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются. Но как мне не верить: я видел истину, — не то что изобрел умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки. Я видел ее в такой восполненной целостности, что не могу поверить, чтоб ее не могло быть у людей. Итак, как же я собьюсь? Уклонюсь, конечно, даже несколько раз и буду говорить даже, может быть, чужими словами, но ненадолго: живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит. О, я бодр, я свеж, я иду, иду, и хотя бы на тысячу лет. Знаете, я хотел даже скрыть вначале, что я развратил их всех, но это была ошибка, — вот уже первая ошибка! Но истина шепнула мне, что я лгу, и охранила меня и направила. Но как устроить рай — я не знаю, потому что не умею передать словами. После сна моего поте-

рял слова. По крайней мере, все главные слова, самые нужные. Но пусть: я пойду и всё буду говорить, неустанно, потому что я все-таки видел воочию, хотя и не умею пересказать, что я видел. Но вот этого насмешники и не понимают: «Сон, дескать, видел, бред, галлюцинацию». Эх! Неужто это премудро? А они так гордятся! Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), — ну, а я все-таки буду проповедовать. А между тем так это просто: в один бы день, *в один бы час* — всё бы сразу устроилось! Главное — люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же! «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья» — вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас всё устроится.

А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!

ПОГОВОР

„РУСКИОТ СВЕТИЛНИК“:
ФЈОДОР МИХАЈЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИ

НАТАЛИЈА ЛАПАЕВА РИСТЕСКА

НАТАЛЬЯ ЛАПАЕВА РИСТЕСКА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

**«РУССКИЙ МАЯК»: ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ
ДОСТОЕВСКИЙ**

11 ноября 2021 г. – особенная дата для культурного сообщества всего мира: 200-летний юбилей со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского не может не явиться поводом вновь глубоко размышлять о его личности и творчестве, разгадывать явные и тайные смыслы его гениальных текстов, соотносить написанное им «когда-то» с сегодняшним днём.

В России Достоевского читали и изучали всегда.

В России, в том числе и в зарубежной России, существует обширнейшая литература о творчестве писателя. В работах о Достоевском русских литературоведов и философов досоветского, советского и постсоветского периодов содержатся глубокие размышления о связи творчества писателя с его религиозно-философскими идеями, о главных темах и мотивах его произведений, об общем их – человекоутверждающем – пафосе.

Наиболее концептуальными в русской дореволюционной достоевистике являются такие работы, как «Три речи в память Достоевского» Владимира Соловьёва (1881-1883), «Пророк русской революции» Дмитрия Мережковского (1906), «О Достоевском» Василия Розанова (1893) и др.

В советский период появились не менее серьёзные и глубокие исследования творчества Достоевского. Базовыми для понимания Достоевского стали следующие труды: «Проблемы поэтики Достоевского» Михаила Бахтина (1963); ««Небрежение словом» у Достоевского» Дмитрия Лихачёва (1976); «Реализм Достоевского» Георгия Фридлендера (1964); «Достоевский – журналист («Дневник писателя» и русская общественность)» (1982), «Последний год Достоевского. Исторические записки» (1986) Игоря Волгина.

В «постперестроечное» время список литературоведческих монографий, трудов, книг о творчестве Достоевского пополнился весьма значительно. Обращают на себя внимание такие опусы последних десятилетий, воссоздающие вехи жизни писателя и рас-

крывающие своеобразие его таланта, как «Русская идея и ее творцы: Философские портреты мыслителей от Ф. М. Достоевского до А. Ф. Лосева» Арсения Гулыги (1995), «Характерология Достоевского» Татьяны Касаткиной (1996), «Достоевский и экзистенциализм» Аллы Латыниной (1972); «Достоевский. Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философов» Натальи Громовой (2000), «Достоевский: метафизика преступления» Владислава Бачинина (2001), «"Осознать и сказать": "Реализм в высшем смысле" как творческий метод Ф. М. Достоевского» Карена Степаняна (2005), «Достоевский» Людмилы Сараскиной (2013), «"Судить Божью тварь". Пророческий пафос Достоевского: Очерки» Владимира Кантора (2010), «Достоевский и Апокалипсис» Юрия Карякина (2009), «Достоевский над бездной безумия» Олега Кузнецова и Владимира Лебедева (2003), «Неизвестный Достоевский. Роковая встреча» Бориса Соколова (2011), «"Весь устремление": статьи и исследования о Ф. М. Достоевском» забытого в свое время литературоведа Василия Комаровича и др. Для балканского читателя будет интересна переведённая на сербский язык книга Игоря Волгина со следующими выходными данными: Волгин. Достоевски. Последна година живота (Подгорица, 2003).

Особенная страница в изучении творчества Достоевского «написана» русскими эмигрантами первой волны. В условиях эмиграции для представителей литературы и литературной критики актуализировалась проблема обнаружения причин социально-исторических катаклизмов (революции в России 1917 г., Гражданская война, Исход), а также нахождения «опор» в ситуации кризиса западного самосознания. В поисках духовных ориентиров они обращались прежде всего к ценностному миру русской классики, «магнитом» для них становится творчество Достоевского. Мирозозрение и философские идеи Достоевского, а также смыслы, заложенные в его произведениях, оказываются предметом рефлексии в трудах и исследованиях многих ярких представителей литературно-критического сознания русской эмиграции первой волны. Среди них особую значимость представляют такие работы, как «Достоевский и Европа» Георгия Флоровского (София, 1922), «Русская стихия у Достоевского» Бориса Вышеславцева (Берлин, 1923),

«Миросозерцание Достоевского» Николая Бердяева (Прага, 1923), «Эстетика Достоевского» Ивана Лапшина (Берлин, 1923), «Система свободы Достоевского» Аарона Штейнберга (Берлин, 1923), «Достоевский и современность» Елизаветы Скобцовой (Париж, 1929), «Достоевский. Жизнь и творчество» Константина Мочульского (Париж, 1947), «О Достоевском. К роману "Идиот"» Ивана Шмелёва (Париж, 1949), «Достоевский и его христианское миропонимание» Николая Лосского (Нью-Йорк, 1953), «Достоевский. Психоаналитические этюды» Альфреда Бема (Прага, 1938) и др. Известны знаменитые лекции о русской литературе Владимира Набокова (вышли в 1981 г. на английском языке, в 1996 – на русском), в которых он парадоксально «разбирает» Достоевского. Привлекают интерес и более краткие высказывания русских эмигрантов о Достоевском: например, «нехвалебные» размышления о русском гении Михаила Осоргина в его мемуарах «Времена», «христианские» высказывания о писателе Бориса Поплавского в его статье «Заметки о Достоевском» и дневниках. При всей разности мнений Достоевский рассматривается представителями русского зарубежья, во-первых, как идеолог (политик, философ, пророк, выразитель «русской идеи», «дионисизма», рупор революции или реакции и т. д.), во-вторых, – как коллега-литератор, к которому они апеллируют – притягиваясь или отталкиваясь, – как к художнику, поэтика текстов которого отличается уникальными особенностями.

Совершенно очевидно, что и вчера, и сегодня Достоевский – один из самых читаемых, изучаемых и переводимых русских авторов не только в России, в том числе и зарубежной, но и за её пределами.

Последнее время величайший романист-мыслитель совершает поистине триумфальное шествие по всем континентам. Как на Западе, так и на Востоке нет ни одного иностранного автора, которого не читали бы с таким жаром, не переиздавали бы в таком огромном количестве, не изучали бы так скрупулёзно и не переводили бы с такой тщательностью, как Достоевского. Национальные перегородки, разделяющие иногда и взаимно враждебные страны, не существуют для победоносного движения Достоевского по Европе, Азии, Америке, Северной и Южной.

Книжный ассортимент Достоевского на книжных полках разных стран мира огромен. Если смотреть на такие существующие вне России рейтинги, как «100 популярных писателей» или «100 известных книг», то Достоевского и его произведения в них можно найти всегда. В последние пять лет, кстати сказать, всё чаще и чаще на первый план выходят «Братья Карамазовы».

Достоевский оказал огромное влияние на мировую культуру. Русский классик мощно – непосредственно или опосредованно – воздействовал на мировоззрение и художественное сознание европейских, американских, азиатских писателей XX-XXI вв. О Достоевском в формате историко-литературного дискурса высказывались многие писатели и поэты-классики прошлого и современности – французы Андре Жид, Роже Мартен дю Гар, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Фредерик Бегбедер, немцы Герман Гессе, Томас Манн, Якоб ван Ходдис, американцы Теодор Драйзер, Эрнест Хемингуэй, Джек Керуак, Сол Беллоу, поляк Ярослав Ивашкевич, серб Милорад Павич, македонец Венко Андоновски, китайцы Лу Синь, Ся Цзиань, аргентинец Хорхе Луис Борхес, японец Харуки Мураками и многие другие.

Мировая литература уже давно находится под влиянием проблематики и поэтики Достоевского. Авторы с мировым именем, чьи произведения включают в себя отсылки к Достоевскому, многочисленны. Рецепции идей, образов, стиля Достоевского прочно вошли в произведения самых разных представителей национальных литератур. Вот лишь некоторые из доказательств этого.

В американской литературе много «рифм» с Достоевским. «Рифмуются», в частности, основные мотивы «Преступления и наказания» и «Американской трагедии» Драйзера, «Подростка» и сэлинджеровской повести «Над пропастью во ржи», протагонист «Двойника» и героини романа Сильвии Плат «Под стеклянным колпаком», аксиологические планы достоевских романов и романов Уильяма Стайрона «Уйди во тьму» и «Выбор Софи». Имена героев произведений русского классика были использованы в диалоге неизвестных американских писателей Карла Соломона и Аллена Гинзберга, представителей *Beat Generation*, в поэме Аллена Гинзберга «Вопль»: «„Кто ты?“ – спросил Карл Соломон требовательно. „Я Мышкин“, – ответил Аллен. Карл представился как Кириллов».

Немало взяли у Достоевского австрийцы и немцы: роман Роберта Музиля «Человек без свойств» не мог быть написан без осмысления системы персонажей в романах «Идиот» и «Бесы»; «Превращение», «Замок», «Процесс», «Приговор» Франца Кафки сюжетными линиями, мотивами, описаниями схожи с основополагающими романами Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»; «Степной волк» Германа Гессе, по сути, – переработанные писателем мотивы разрушающего начала в подсознании в романе «Братья Карамазовы»; Андреас Майер своим названием своего романа «Кириллов» отсылает к одноименному персонажу «Бесов».

В диалоге с Достоевским находились и английские писатели. Так, в 1930-40-х гг. на примере произведений трех английских прозаиков – «Контрапункт» Олдоса Хаксли, «Рождественские каникулы» Сомерсета Моэма, «Скотный двор» и «1984» Джорджа Оруэлла – прослеживается актуализация романа «Бесы» с его темой «бесовщины» и её форм. Достоевского можно увидеть и в прозе Билла Хопкинса, Энтони Бёрджесса, Джона Фаулза. Так, прообразом главного героя романа Хопкинса «Божественное и распад» является, конечно же, Раскольников. С уверенностью можно сказать, что Бёрджессом, автором романа «Заводной апельсин», в котором главными являются размышления о свободе воли, управлении человеком, выборе между добром и злом, была внимательно прочитана «Легенда о Великом инквизиторе». В «Коллекционере» Фаулза заметную роль играет интерпретация писателем «Записок из подполья» с ведущей в произведении Достоевского темой душевного излома и человеческой отчуждённости в мире.

«Следы» Достоевского находятся и в чешской литературе, а именно в произведениях первой трети XX века – романе Божены Бенешовой «Человек» и Франтишека Кс. Шальды «Куклы и труженики Божьи».

Не «ушли» от влияния Достоевского и представители китайской литературы. Описания болезненно-психологических состояний персонажей, основанных на внутренних конфликтах, в прозе Мао Дуня («Затмение»), Юй Дафу («Падение»), несомненно, коррелируют с изображением психологии и Раскольникова, и «подпольного человека».

Еще раз напомним, что приведённые здесь примеры – лишь малая толика того, что существует в огромном «резервуаре» темы «Всемирная литература и Достоевский»

Достоевский всегда находился и находится сегодня в фокусе внимания исследователей из разных стран мира. И в Европе, и в Азии были и есть свои яркие и значительные достоевисты.

Достоевского-мыслителя, как известно, на Западе открыл Ницше. Популярна его цитата из письма датскому литературоведу Георгу Брандесу: «Теперь я читаю русских писателей и особенно Достоевского. Я просиживаю над ним целые ночи и упиваюсь глубиной его мыслей».

Из западных достоевистов первой четверти XX века следует выделить англичан Миддлтона Мэрри и Мориса Бэринга. Англия, раньше плохо знавшая Достоевского, сразу стала на большую высоту в появившемся в 1916 г. труде Мэрри (Middleton Murry. «Fyodor Dostoevsky. A critical study»). Основной тезис Мэрри связан с утверждением, что Достоевский дал совершенно своеобразный вид творчества: он не был романистом, как Диккенс, Гюго и др., ибо его романы слишком пропитаны подлинной философией, но он не был и философом, ибо слишком образно, наглядно и символично его творчество. Бэринг в труде «Вехи русской литературы» (1909) усматривает у Достоевского разновидности типов героев: Люцифера, с одной стороны, и одного из главных героев русского сказочного фольклора Иванушки-дурачка, с другой. Гениальным воссозданием последнего он признаёт, как почти все иностранцы, Мышкина, которого ценит необычайно высоко.

Наиболее обстоятельный философский анализ творчества Достоевского в Германии в 1920-е годы даёт Ганс Прагер в своей книге «Мировоззрение Достоевского» (Hans Prager. «Die Weltanschauung Dostojewskis»). Введение датировано 1923 г.). Издание снабжено предисловием Стефана Цвейга. Книга Прагера посвящена разбору проблематики романов «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот» и «Братья Карамазовы».

Германия в это время предложила и много монографий, в которых обращено специальное внимание на социально-философское значение творчества Достоевского. Макс Хольцман в работе «Достоевский. Его жизнь и будущее» (Max Holzmann. «Dostojewski.

Sein Leben und Werden», 1923) предлагает рассматривать социально-философскую идеологию Достоевского биографическом плане. Симптоматичным надо признать появление книги о Достоевском Пауля Наторпа «Значение Ф. Достоевского для современного кризиса культуры» (Paul Natorp. «Fjedor Dostojewskis. Bedeutung fuer die gegenwaertige Kulturkrise», 1923). Квинтэссенцией философии Достоевского Наторп признал «Сон смешного человека».

Для характеристики современных психологических изысканий в области Достоевского интересны книга Иолана Нейфельда «Достоевский», переведённая на русский язык (Jolan Neufeld. «Dostojewski», 1925), а также книга Отто Кауса «Сновидения в "Преступлении и наказании"» (Otto Kaus. «Die Traeume in Dostojewskys "Raskolnikoff"», 1926). В этих трудах авторы выступают как психоаналитики и рассматривают проблему влияния биографии писателя на его творчество.

Значительный подъём специального изучения Достоевского на Западе в период 1920-х годов знаменует и книга швейцарца, постоянно жившего в Германии, Рудольфа Турнейсена «Достоевский», вышедшая в Мюнхене к столетию писателя (Rudolf Thurneysen. «Dostojewski», 1922). В ней автор также анализирует смысловое поле произведений Достоевского, всматривается в его мировоззрение.

В перечисленных работах Прагера, Хольцмана, Наторп, Нейфельда, Кауса, Турнейсена очень ощутима мысль о том, что не искусство Достоевского их интересует, а содержание социально-философских идей, характеристика России и русского человека и прогнозы Достоевского о судьбах Европы и культуры.

Одним из тех, кого интересовала эстетика Достоевского, был Юлиус Мейер-Грефе, известный немецкий историк живописи. В его оригинальном труде «Достоевский – поэт» (Julius Meier-Graefe. «Dostojewski der Dichter», 1926) на первом плане стоит проблема художественного у Достоевского. Интересно, что Мейер-Грефе акцентирует внимание на произведениях Достоевского «второго плана» («Игрок», «Вечный муж», «Село Степанчиково», «Скверный анекдот»), обнаруживая в них соединение элементов сатиры, своеобразного юмора и сентиментализма.

Франция дает новую характеристику Достоевского в торжественных лекциях Андре Жида, прочитанных в зале «Вьё Коломбье» («Vieux-Colombier») в Париже, не вместившем всех желавших почтить русского писателя. И в лекциях, и в своей монографии о Достоевском (André Paul Guillaume Gide. «Dostoievsky», 1923) Андре Жид стремится охарактеризовать писателя как художника.

Более чем интересна проблема рецепции творчества Достоевского католическими религиозными мыслителями и богословами. В этом контексте имена Романо Гуардини и Диво Барсотти – знаковые. Развившийся в 1920-30-е годы интерес Романо Гуардини, итало-немецкого богослова-католика, к Достоевскому, нашёл свое отражение в его книге «Человек и вера. Исследование религиозной экзистенции в великих романах Достоевского» (1932). Гуардини интересовало присутствие религиозного момента в главных героях великого Пятикнижия Достоевского. Религиозность персонажей исследуется им через их отношение к вере, к земле, к народу. Таким образом, опыт чтения романа со стороны Гуардини свидетельствует о способности текста Достоевского не только сообщить некую информацию о Христе и о христианской вере, но также стать пространством живого общения с личностью Христа. Книга «Достоевский. Христос – страсть жизни» («Dostoevskij. La passione per Cristo», 1996), автором которой является отец Диво Барсотти, незаурядный представитель итальянского католицизма (монах, священник, писатель), – свидетельство его «разговора напрямую» с Достоевским. Внимание автора сосредоточено на понятии морального закона в человеке как свидетельства о существовании Бога, а также на толковании «символа веры» Достоевского и, следовательно, на том, кто есть Христос для Барсотти и для Достоевского.

Идеи Достоевского будируют и «славянскую» мысль. Размышления о Достоевском появляются на страницах книги польского поэта и нобелевского лауреата Чеслава Милоша «Земля Ульро» (в России издана в 2018 г.), ставшей его интеллектуальной исповедью с изложением самых сокровенных мыслей. Центральный вопрос «Земли Ульро» – влияние научного мышления на религиозное воображение и, как следствие, кризис воображения современного человека и цивилизации. По мнению Милоша, коммунизм и нацизм стали порождением «вульгаризированной и превращённой в псев-

доевангелие для масс науки». В поисках выхода из кризиса Милош обращается и к творчеству Достоевского, которого он считает великим мистиком.

В мире культуры западных славян выделяется чешская достоевистика, имеющая крепкие традиции. Нельзя не отметить выдающиеся монографии Франтишека Каутмана «Сражения за Достоевского» (1966) и «Ф. М. Достоевский – вечная проблема человека» (1992, 2004), Радегаста Паролека «Ф. М. Достоевский» (1964), Радки Гржибковой «Художественно-философская концепция детства в творчестве Ф. М. Достоевского» (1998), Радко Пытлика «Ф. М. Достоевский – жизнь и творчество» (2008). У чешских достоевистов присутствуют два основных типа восприятия Достоевского: писателя воспринимают или как философа, мыслителя и пророка, или как великого психоаналитика.

Лидером румынской достоевистики, без всякого сомнения, является историк литературы Альберт Ковач. Его монография «Поэтика Достоевского» (2008) – это исследование-эссе об искусстве повествования Достоевского, о жанровых – глубинных и многоплановых – структурах его романов, об основных мотивах в них, о мифах и символах, используемых Достоевским. Ковач рассматривает персонажей Достоевского в их соотношении с мировыми образами, размышляет о функции психологических характеристик в текстах писателя.

Назовём и представителей североамериканской когорты литературоведов-достоевистов, работы которых достойно и успешно продолжают традицию изучения феномена Достоевского. Среди них выделяются Роберт Белкнап, Джозеф Фрэнк, Джефф Гэтролл, Кейт Холланд, Роберт Луис Джексон, Ольга Меерсон, Сюзан Макрейнолдс, Хэрриет Мурав, Ирина Паперно, Джеймс Райе, Нэнси Руттенбург, Билл Тодд, Стив Кэссиди, Лиза Кнапп, Владимир Гольштейн, Сюзанн Фуссо, Дебора Мартинсен, Гэри Розеншилд, Константин Ключкин. Фундаментальными и академически-традиционными трудами североамериканских исследователей Достоевского можно признать ставшие уже классическими следующие работы: о «Братьях Карамазовых» Роберта Белкнапа (Robert L. Belknap. «The Structure of The Brothers Karamazov», 1967; «The Genesis of the

Brothers Karamazov», 1992); «Подпольный человек Достоевского в русской литературе» (1958), «Достоевский: поиск формы. Изучение его философии и искусства» (1966), «Искусство Достоевского. Бред и ноктюрны» (1984), «Диалоги с Достоевским. Послание и вопросы» (1993) Роберта Луиса Джексона. В этом же ключе воспринимаются «Демократия Достоевского» Нэнси Руттенберг (Nance Rutenberg. «Dostoevsky's Democracy», 2008), «Религия Достоевского» Стивена Касседи (Steven Cassedy. «Dostoevsky's Religion», 2005). Однако современное американское литературоведение не ограничивает себя теми подходами к проблематизации фигуры Достоевского, которые были привычны для исследователей поколения, воспринимавшего эту личность одновременно и как великого писателя, и как публициста, и как пророка. На Достоевского в США пытаются смотреть в свете современных доктрин в психологии, медицине. Такие подходы можно найти у Сюзанн Фуссо в работе «Открывая сексуальность у Достоевского» (Susanne Fusso. «Discovering sexuality in Dostoevsky», 2006); у Ирины Паперно в монографии «Самоубийство как культурный институт в России Достоевского» (Irina Paperno. «Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia», 1997).

Симптоматично, что для более глубокого осмысления личности Достоевского и более интенсивного освоения его наследия учёные и исследователи объединяют свои интеллектуальные усилия. Известно, например, как плодотворно работает созданное в 1971 г. Международное Общество Достоевского (International Dostoevsky Society [IDS]), региональные отделения которого имеются в Австрии, Франции, Чехии, Венгрии, Италии, Польше, скандинавских странах, Швейцарии, Канаде, США, Бразилии, Японии, Новой Зеландии. Целями общества является налаживание связей и сотрудничества между исследователями творчества Достоевского во всём мире и организация международных конференций, посвящённых русскому писателю. Председателями Общества в своё время были известные западные достоевисты Роберт Луис Джексон (США), Мишель Каро (Франция), Дебора Мартинсен (США). Общество почти непрерывно издаёт ведущий в области достоевистики журнал «Dostoevsky Studies». Таким образом, видные учёные и ис-

следователи в области изучения жизни и творчества Достоевского активно взаимодействуют друг с другом, получая доступ к уникальным ресурсам и к возможности обмена идеями, концепциями.

Проблема перевода Достоевского на языки мира – отдельная «история».

В Германии и Франции первые переводы Достоевского появились ещё при жизни писателя. В Германии – в 1846 году, когда в России он только-только обрел известность как автор «Бедных людей» и получил прозвище «новый Гоголь». Из немецких переводчиков Достоевского следует назвать Элизабет Кэррик (Elisabeth Kaerrick), работавшую под псевдонимом E. K. Rahsin (это одна из первых переводчиц-женщин), Германа Рёля (Hermann Röhl), Рудольфа Касснера (Rudolph Kassner), Рихарда Гофмана (Richard Hoffmann). Достаточно известный современный переводчик Достоевского на немецкий язык – Светлана Гейер (Swetlana Geier); она была не только переводчиком, но исследователем творчества Достоевского.

Самые ранние английские переводы Достоевского принадлежат перу Констанс Гарнетт (Constance Clara Garnett). Среди английских переводчиков известны также Ева Мартин (Eva Martin), Ричард Певир (Richard Pevear), Дэвид Макдафф (David McDuff), Дэвид Мэгаршэк (David Magarshack), Дэвид Лоу (David Lowe), Кеннет Ланц (Kenneth Lantz), Дэвид Пэттерсон (David Patterson), Роналд Уилкс (Ronald Wilks).

Переводы произведений Достоевского на французский язык делали Виктор Дерели (Victor Derély), Илья Данилович Гальперин-Каминский (Ély Halpérine-Kaminsky), Шарль Морис (Charles Morice), Владимир Биншток (J.-Wladimir Bienstock), Борис де Шлёцер (Boris de Schloezer), Анри Монго (Henri Mongault), Марк Леваль (Marc Laval), Ростислав Модестович Гофман (Rostislav Hofmann), Элизабет Гертик (Elisabeth Guertik), Пьер Паскаль (Pierre Pascal). Сегодня популярными переводчиками Достоевского на французский являются Кира Санина (Kyrа Sanine) и Андре Маркович (André Markowicz).

В Италии известным переводчиком считается Джанлоренцо Пачини, доцент кафедры русской литературы Университета Сиены, который с 1959 года опубликовал около 25 переводов произведе-

ний русских авторов, среди которых и Достоевский. Радующим является недавнее событие в культурной жизни Италии: на итальянский язык переведены письма Достоевского. Презентация тома, прошедшая в Русском доме в Риме, состоялась в рамках программы, приуроченной к 200-летию юбилею со дня рождения Достоевского. Авторами издания выступили Джулия Де Флорио (Giulia De Florio), Аличе Фарина (Alice Farina) и Елена Фреда Пиредда (Elena Freda Piredda). Они отметили, что работа заняла три года. Полное собрание писем занимает 1400 страниц. «Первым чувством был страх. Достоевский обладал невероятной иронией и писал по-разному в зависимости от адресата. Передать нужный тон при переводе, используя правильные слова, пожалуй, было самым сложным», – поделилась своими впечатлениями Де Флорио.

Шэнь Чжэнь, Чжао Цзин-шэн, Фэн Цзэнъи – довольно известные переводчики Достоевского в Китае. Важный шаг в развитии дела перевода Достоевского в Китае был сделан в 1980-е гг., когда два крупнейших китайских издательства зарубежной литературы – «Перевод» (Шанхай) и «Народная литература» (Пекин) – «подарили» китайской общественности многотомные собрания сочинений Достоевского. Эти два собрания включали в себя художественные произведения писателя: романы, повести и рассказы, что послужило основой для полного восприятия Достоевского в Китае. После 1995 г. наступил своеобразный бум переводов русского классика в Китае. Появилось много переводческих версий одних и тех же произведений. К настоящему времени роман «Преступление и наказание» издан на китайском примерно в 13 вариантах перевода, «Идиот» – в 16, «Униженные и оскорблённые» – в 10, «Братья Карамазовы» – в 7, «Белые ночи» – в 5, «Бесы» и «Записки из Мертвого дома» – в 4, «Бедные люди» – в 3.

Студенты филологического факультета им. Блаже Конеского университета им. Св. Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, принявшие участие в проекте «Достоевский», организованном кафедрой славистики, внесли свой вклад в современную достоевистику. Очень небольшой. Очень скромный. Очень «некричащий». Тем не менее значение этого вклада трудно умалить и невозможно переоценить. В этом проекте студенты – будущие македонские русисты – пред-

стали внимательными и чуткими читателями текстов (отметим – малоизвестных для иностранного читателя) гениального русского классика, серьёзными их интерпретаторами и истолкователями, а также – их оригинальными и талантливими переводчиками. В каждом из студентов, предложивших свой перевод Достоевского, соединились филологические, лингвистические, культурологические и литературоведческие компетенции. Думается, что те искренность и воодушевлённость, которые чувствуются в подходе к делу авторов переводов – Фросины Милковской, Аны Тодоровой, Йована Ковачевского, Марии Петровской, Ангелы Спасовской и Яны Србиновской, – помогли им сделать всё возможное для того, чтобы читатель перевода мог услышать «голос» подлинного текста. Очень хочется надеяться, что в процессе перевода студенты ощутили творчество Достоевского как созвучное их потребности в самопознании и поиске ответов на «вечные» вопросы бытия. Работа над Достоевским, как нам кажется, должна была актуализировать и интенсифицировать для них ситуацию выбора – не только профессионального и, быть может, научного, но, если угодно, экзистенциального, человеческого.

Творчество Достоевского «провокативно». Опасная близость добра и зла, любви и ненависти в душе одного героя, противоречивость этического оправдания поступков и мыслей – эти темы Достоевского всегда шокировали и завораживали, заставляли мучиться над их разрешением. Подобный дуализм в творчестве писателя очень символичен и значителен. В самомнении и вере обозначились противоположные пути к необходимому спасению. А в наше время особенно востребованной оказалась, как нам кажется, «Легенда о Великом инквизиторе», внимательное чтение и перечитывание которой должно подтолкнуть нас к выводу: нельзя допустить порабощения воли, нельзя добровольно отдать свою свободу и волю другому (человеку ли, коллективу ли, государству ли) только за то, что он/оно берёт на себя всю ответственность за тебя.

Именно потому, что Достоевский – «живой» и волнующий, ему никогда не стать «музейным артефактом», «писателем для хрестоматий», «памятником». Обладающее онтологической наполненностью, пронизанное экзистенциальными интуициями, проникнутое

идеями гуманизма, творчество Достоевского будирует мысль современного человека, увы, растерянного, безвольного, «заблудившегося», не нашедшего спасительной идеологии, – оно даёт ему надежду на победу Добра, Совести и Правды.

CIP - Каталогизација во публикација
Национална и универзитетска библиотека "Св. Климент Охридски", Скопје

821.161.1-32

ПРОЕКТ Достоевски : 200 години / уредник на изданието Андреј
Јованчевски. - Скопје : Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ - Скопје
Филолошки факултет „Блаже Конески“, 2021. - 133 стр. ; 24 см

Предговор / Андреј Јованчевски: стр. [3]. - Поговор / Наталија
Ристеска-Лапаева: стр. [115]

ISBN 978-608-234-082-1

COBISS.MK-ID 55389445

